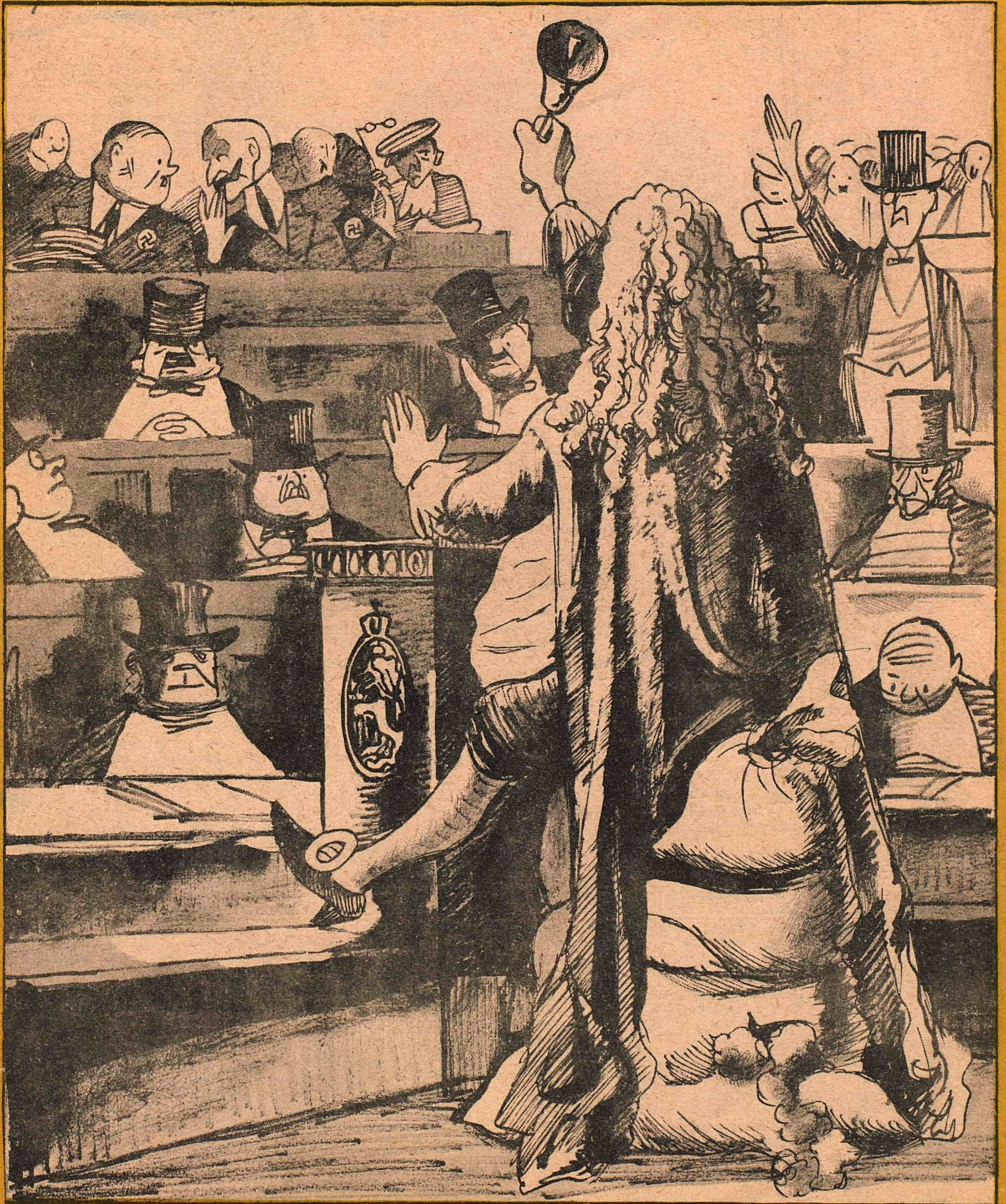

К Р О К О Д И Л

ГОД ИЗДАНИЯ ХVII

556/38г

НЕПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ

Рис. Л. Бродяги

ГЕРМАНСКИЙ «ТУРИСТ»: — Безобразие! Оказывается, английские военные тайны, кроме нас, уже становятся известны и английскому парламенту.

Н О В Ы Е В Р Е М Е Н А

Вот какую сравнительно небезытересную историю рассказал мне один работник городского транспорта.

Причем до некоторой степени эта история поучительна не только для транспорта. Она поучительна и для других участков нашей жизни.

По этой причине мы и решили затронуть внимание почтенных читателей сей, как говорится, побасенкой в виде небольшого фельетона.

Так вот в одном управлении служил один довольно крупный работник по фамилии Ч.

Он в течение двадцати лет занимал солидные должности в управлении. Одно время он, представьте себе, возглавлял местком. Потом подвизался в должности председателя правления. Потом еще чем-то заправлял.

Короче говоря, все двадцать лет его видели на вершине жизни. И все к этому привыкли. И никто этому не удивлялся. И многие думали: «Это так и надо».

Конечно, Ч. не был инженером или там техником, закончившим в царское время ремесленное училище. Он специального образования не имел. И даже вообще с образованием у него было, кажется, исключительно слабовато.

Ничего особенного он делать не умел, ничего такого не знал и даже не отличался хорошим почерком.

Тем не менее, все с ним считались, уважали его, надеялись на него и так далее.

Он был особенно необходим, когда происходили собрания. Тут он, как говорится, парил как бог в небесах. Он загибал разные речи, произносил слова, афоризмы, лозунги. Каждое собрание он открывал вступительной речью о том, о сем. И все думали, что без него мир к чорту перевернется.

Все его речи, конечно, стенографировались для потомства. И к своему двадцатилетнему юбилею он да-

же задумал издать свои речи отдельной брошюрой. Но поскольку в последнее время из бумаги стали усиленно производить блюдечки и стаканчики для мороженого, то на его брошюру бумаги как раз не хватило. А то бы мы с интересом читали его оригинальные речи и удивлялись бы, какие бывают люди.

Так или иначе его двадцатилетний юбилей решили пышно отпраздновать. И даже был куплен портфель с дощечкой, на которой выгравировали слова: «Вы... этот... который... двадцать лет... и так далее... Мы вас... Вы нас... Мерси... И прочее... и все такое...»

В общем что-то в этом духе.

Но еще не состоялся этот юбилей, как вдруг произошло событие, заметно снизившее значение предстоящего праздника.

Вот что случилось на последнем собрании.

Наш Ч. только что произнес речь. Он произнес горячую и пламенную речь, дескать, рабочие... труд... работают... бдительность... солидарность...

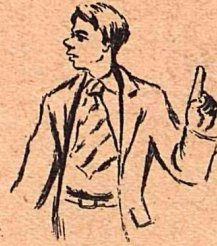
И, утомленный своей речью, под гром аплодисментов сел на свое место рядом с председателем и стал рассеянно водить карандашом по бумаге.

И вдруг, представьте себе, встает один работник из вагоновожатых. Исключительно чистенько одетый — в сером костюмчике, в петлице незабудка, носки, туфли...

Вот он встает и так говорит:

— Тут мы сейчас снова слышали убедительную речь тов. Ч. Хотелось бы его спросить: ну и что он этим

хотел сказать? Двадцать лет мы слышим его тенор: ах, рабочие, ах, труд, ах, пятое-десятое... А позвольте вас спросить: что представляет из себя этот Ч. на нашем участке работы? Что он техник, инженер или он оперный артист, присланный к нам сюда для интереса? Или что-нибудь он умеет делать? В том-то и дело, что он ничего не умеет делать. Он только произносит голые речи. А мы, представьте себе, за эти двадцать лет значительно выросли. Многие из нас имеют образование в размере семилетки. А некоторые у нас окончили десять классов. И они бы сами могли кое-чему поучить уважаемого товарища Ч., поскольку вожатые сейчас не прежней формации. Это в прежнее время вожатый умел только вращать ручку мотора, а в настоящий момент вожатый — это своего рода специалист, который может и схему мотора начертить, и политическую речь произнести, и дать урок по тригонометрии нашему оратору Ч.

Тут исключительный шум поднялся. Крики. Возгласы. Председатель слегка оробел. Не знает, как ему на это реагировать.

А возгласы продолжают: «Правильно!», «Исключительно верно!», «Долой его!»

Тогда один встает и говорит: — Нет, выгонять нашего пресловутого оратора не надо, поскольку он двадцать лет подвизался на своем поприще. Но лучше он пушай в местном сидит и там усиленно марки наклеивает, чем он будет на наших производственных собраниях нравственные речи произносить.

И тут снова все закричали: «Правильно!»

А один, склонный к перегибу, встал и сказал:

— Наверно этот Ч. придумал себе лозунг: чем возить, так лучше погонять. Вот он поэтому и очутился во главе нас.

Тогда председатель прервал оратора. Он сказал:

— Не надо оскорблять личности.

Тут все моментально взглянули на этого Ч. Все рассчитывали увидеть на его лице бурю негодования, расстройств и смятение чувств. Но ничего подобного не увидели.

Ч. встал, улыбнулся и, почесавши затылок, сказал:

— Собственно говоря, что вы на меня-то взелись? Я-то тут при чем? Это вы меня выдвигали, а я этому не переставал удивляться... Я с самого начала говорил, что я ни уха, ни рыла не понимаю в вашем деле. Больше того, я начал вами заправлять, будучи совершенно малограмотным господином. Да и сейчас, откровенно вам скажу, я по шести ошибок в двух строчках делаю.

Тут все засмеялись. И сам Ч. тоже засмеялся.

Он сказал: — Прямо я сам на себя удивляюсь. Двадцать лет как в сказке жил

Тогда встает один кондуктор и говорит:

— Это как у Пушкина... А теперь он остался у разбитого корыта.

Председатель говорит:

— Это он потому остался у разбитого корыта, что он двадцать лет поучал, а сам ничему не научился.

Тут вскоре собрание было закрыто.

И через несколько дней началась другая жизнь — на основе знания дела.

Мих. Зощенко.

Рис. Бор. Ефимова

НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

ЧЕМБЕРЛЕН (Чехословакии): — Берите пример с Австрии! Она не упрямилась и, видите, избежала войны с Германией.

ЧИЖИКОВО СЧАСТЬЕ

Заведующему базой Чижикову здорово повезло.

Но еще больше повезло судье Солохе, председателю завкома Зубову, шоферу Леонтию Никоновичу Молчанову с супругой. Мы уже не говорим о добром десятке их знакомых, которые отделались только легким испугом. Счастье всем вышеупомянутым гражданам привалило действительно неслыханное. Неслыханное и, главное, непонятное.

Поговорим же, дорогие читатели, о странностях суда. О странностях суда мариупольского и бывшего донецкого областного.

А был в городе Мариуполе, в поселке завода имени Ильича, обнаружен не так давно притон. Находился он, этот притон, под особым покровительством довольно ответственных особ. Под вышеозначенным покровительством шофер завода Леонтий Никонович Молчанов — ворюга и жук — открыл на своей квартире уютный дом свиданий.

И работало молчановское предприятие непрерывно, без выходных, принося немалые доходы хозяевам и искомое удовольствие его завсегдатаям. Год работало, другой. Не прошло и двух лет, как следственные органы все же провели про эту интересную квартиру и, нагрянув в нее в ночь с 25 на 26 декабря 1937 года, прихлопнули всю компанию. Конечно, был назначен суд, и суд состоялся 9 февраля. С точки зрения количественного состава судей и обвинителей, дело обстояло благополучно. Неблагополучно было с составом и количеством обвиняемых. И тут-то как раз и начинаются поразительные странности мариупольского суда. Из восемнадцати человек, активно замешанных в деле о притоне, на скамье подсудимых неожиданно оказались только трое: Леонтий Молчанов с женой и работница завода Варвара Любченко.

А заведующий магазином Эйдинзон, другой заведующий магазином Пожидаев, судья Ильичевского поселка Солоха, судебный исполнитель Бурябаш, юриконсульт Мясокомбината Захаров, заведующий гаражом завода имени Ильича Кичковский, работница завода имени Ильича комсомолка Н. Вотская, работница того же завода В. Степина, председатель завкома этого же завода Зубов, бухгалтер горздраводела Пичахи, бухгалтер поликлиники Ивченко, ра-

ботник горвнурторга Чуриков и Маслов, заведующий базой Чижиков, жена мастера завода имени Ильича Таисия Козьева и продавщица магазина Нина Рутковская, — словом, все остальные активные труженики молчановского рая, по щучьему веленью и по чьему-то хотенью, вдруг оказались только свидетелями.

Судьи выслушали мнение сторон, потом удалились в совещательную комнату и приговорили супругов Молчановых к четырем годам лишения свободы.

Кассационная коллегия донецкого областного суда заседала в составе Белоусова, Голда и Герасимова и поразилась суровостью приговора.

— Скажите, пожалуйста, — возмутились они, — уже человеку и притона открыть нельзя! — и заменили четырехгодичное заключение годом принудительных работ.

Примерно такого же размера взыскание получили и остальные участники этого похабного предприятия.

Председателя завкома Зубова, покровителя и активного гостя молчановского заведения, освободили от обязанности председателя завкома и беспощадно назначили начальником отдела капитальных работ завода, что, кажется, приятно ударило его по карману.

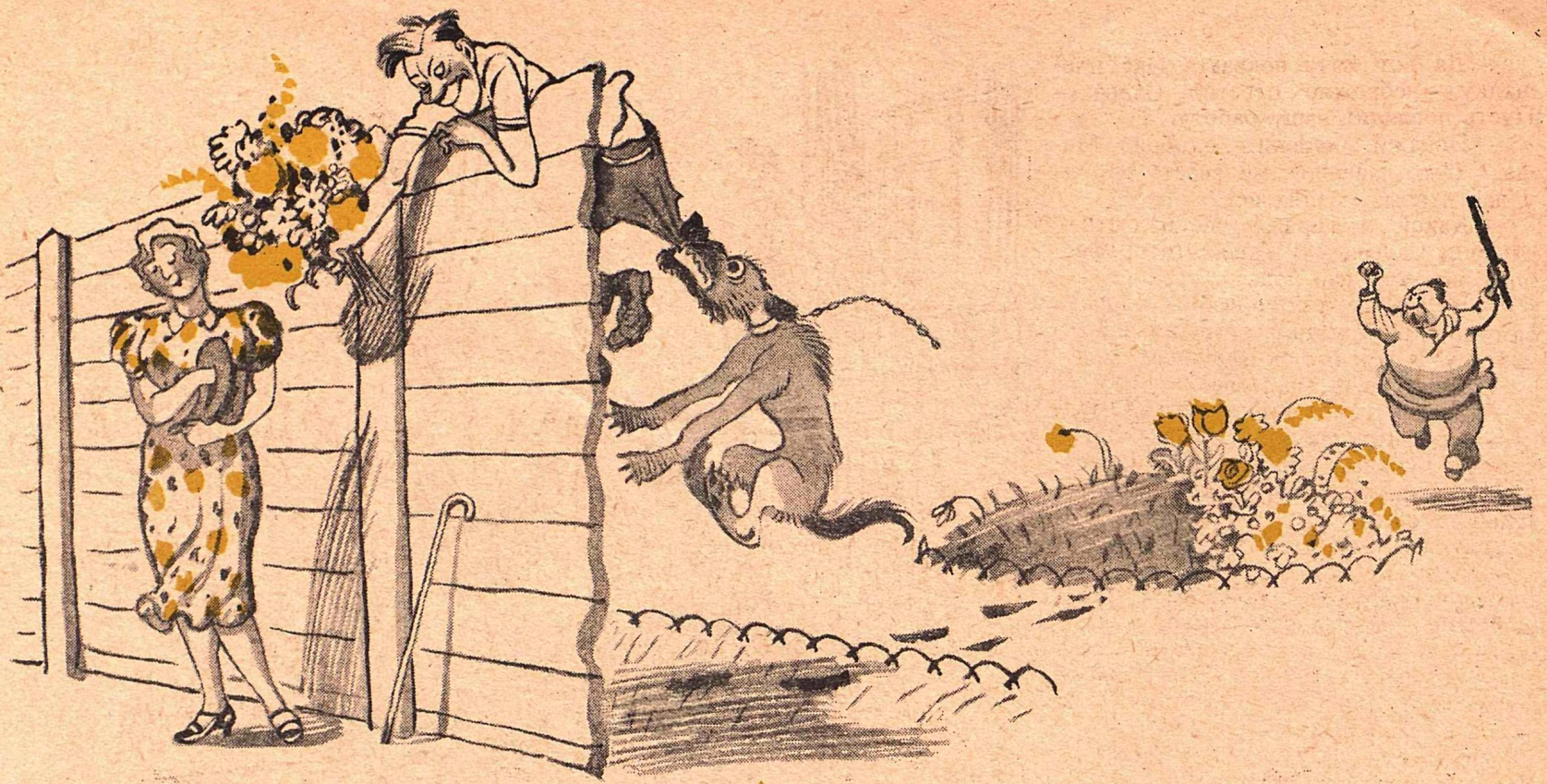
Юриконсульт Захаров, как прошедший высокую школу морального совершенствования в молчановском заведении, украшает сейчас собой ряды мариупольской адвокатуры.

Судью же Солоху безжалостно перевели на должность нарсудьи Орджоникидзевого участка города Мариуполя. Эту «суровую» кару придумали для него враги народа, орудовавшие тогда во главе Донецкого обкома партии.

Спору нет, для врагов народа судья типа Солохи был сущим кладом: конечно, им выгодно было сохранить в рядах партии мерзавцев морального уровня посетителей молчановского заведения. Но советскому народу это ни с какой стороны невыгодно. И чем скорее пересмотрят эту невыгодную сделку за счет советского правосудия, тем будет лучше.

Ах, как непрочно все-таки чижиково счастье!

Л. Лагин

Нечуткий садовод, или розы и шипы.

Рис. К. Ротова

Торжество науки

После завтрака повар отозвал почвовед Мишу в сторону.

— Одну минуточку, — смущенно сказал он. — У меня к вам маленькая просьба.

— Пожалуйста, — гордо сказал Миша, — я вас слушаю.

— Есть у меня один знакомый парнишка — рабочий с питомника. У него в кишлаке завелась невеста, то есть не невеста, а просто он интересуется одной девчонкой. Вся беда, что она его знать не хочет. Ну, а ему загорелось. Парень думает чем-нибудь заняться, чтобы выиграть в ее глазах. Он кончил семилетку. Девчонка, конечно, тоже не больно ученая, но вы представляете, как может повлиять на таких девчонок знающий человек! Они липнут к такому человеку, как мухи...

Повар замаялся.

— Дальше? — спросил нетерпеливо Миша.

— Так вот, не могли бы вы помочь ему в беде?

— Пристроить паренька к наукам? — спросил Миша.

— Ну да, — сказал повар. — Дать ему побольше полезных понятий. Может, вы с ним потолкуете?

— Кажется, я скоро стану сводником и брошу почвоведение, — сказал Миша. — Зовите сюда вашего неудачливого жениха. Мы с ним потолкуем.

Вскоре паренек явился. Его застенчивая скуластая физиономия выражала трепет и надежду.

— Садык, — отрекомендовал повар.

— Вот он какой — любитель молодых девушек, — добродушно сказал Миша. — Ну, держитесь крепче, что-нибудь да выйдет!

— Я на вас так надеюсь, — запинаясь сказал Садык. — За вами слава умного человека.

Миша был польщен.

— Подумаем, что вам больше подойдет, — важно сказал он. — Нужно кое с кем посоветоваться.

Он подозвал зоолога Петю и посвятил его в суть дела.

— Нет, не почвоведение, — сказал Петя. — Какой для девушки интерес водиться с кавалером, который вечно перепачкан глиной!

— Все-таки лучше отравителя тушканчиков! — ядовито сказал Миша.

— Спорно, — возразил Петя. — Здесь нужно получить максимальный эффект. Не попробовать ли метеорологию? Грозные явления природы всегда сильно действуют на простые сердца.

— Верно! — в восторге сказал Миша. — Они волнуют воображение. Еще дикари почитали природу. От простого до необычайного один шаг. Лед, снег, дождь — все это должно поразить и заинтересовать девчонку.

Петя тоже восхитился:

— Если лед и снег в состоянии поднять шансы нашего друга, то что же сказать о громах и молнии?!

— Гром и молния ее доканают, — сказал Миша. — Позову Васю. Отдадим Садыка ему в подмастерья.

Вася был наблюдателем метеорологической станции второго разряда. Его пригласили на совет, и он клятвенно обещал превратить парнишку в ходячее бюро погоды. Так началось знакомство Садыка с точными науками.

В часы дневных наблюдений, когда на Янги-Ере кипела горячая полевая работа, за белым деревянным частоко-

лом, огораживающим метеорологическую площадку, весь штат работников погоды усиленно натаскивал нового академика. Скоро и лето пошло на убыль.

— Еще несколько дней, и можно будет пустить птенца на публичный экзамен, — сообщил однажды Вася. — Он молодец, хотя и не учился в техникуме. Я уже говорил с начальством, скоро его проведут в штат. Пусть он продемонстрирует перед своей красавицей тонкие методы познания природы. Она сама бросится ему на шею. Это будет полное торжество науки.

— Не подкачает? — спросил Миша.

— Парень подкован на обе ноги, — успокоительно заверил Вася.

И вот настал торжественный день. Устроители садыкова счастья явились на площадку в праздничных брюках и ботинках из сплошного блеска.

— Интересно: какие глаза у этой девчонки, что она околдовала такого детину? — сказал Вася. — Сейчас Садык приведет свою Джульетту. Как мы будем держаться?

— Совершенно независимо, — сказал Миша. — Она не должна думать, что это подстроено. Мы будем держаться совершенно независимо.

— Пожалуй, мы напрасно так разрядились, — забеспокоился Петя. — Это наводит на подозрение.

— Идут! — крикнул Вася.

Устроители засуетились. Вася с видимым сожалением придавал костюму трудовой вид. Миша вяло возил ботинками по пыльной земле. Публику охватило понятное волнение.

— Кого это ты привел, Садык? — равнодушно спросил Миша.

— Да вот хочу показать Ике площадку,— небрежно ответил Садык.— Пусть поглядит нашу работу.

— Покажи, покажи,— одобрил Миша.— Она, наверное, не знает, что ты у нас первый специалист.

— Какой я первый специалист! — схитрил Садык.— В Ташкенте профессора знают лучше меня.

— Ну, ну, не скромничай! — оборвал Петя.— Его назначили старшим наблюдателем,— пояснил он девушке.

Ике смущенно зарделась.

— Давай, осмотрим эту белую будку,— деловито сказал Садык.— Здесь у меня сложные приборы для измерения температуры. Ты понимаешь, что такое температура?

Девушка, улыбаясь, кивнула головой.

— Этот прибор показывает самую большую жару, а этот — самый большой холод. Вот я беру бумагу и записываю. А здесь можно узнать, какая погода — сухо или сыро. Вася, дай-ка психрометр. Видишь, я его смачиваю водой и завожу, как часы. Гу!

Психрометр закрутился и загудел. Ике прижалась к Садыку.

— Ай, как интересно! Садык, ты мне все расскажешь?

— Ключет! — шепнул Миша, подталкивая учителя в бок.

— Я все тебе расскажу, Ике, — вдохновенно сказал Садык, и глаза его разгорелись.— Ты увидишь, как вертятся флюгера и как люди ловят ветер. Ты узнаешь, сколько дней падают дожди и сколько дней светит солнце. Я тебе покажу машины, которые сами записывают погоду. О, Ике, я все тебе расскажу. Ты еще не знаешь, как это интересно!

— Полная победа! — провозгласил Миша, вихрем врываясь на кухню.— Мы победили, повар! Победили по всем пунктам! Полное торжество науки! Если бы ты видел, что было вчера. Садык говорил и говорил без умолку и водил Ике по всей площадке, и она шла за ним тихая, тихая и глядела глупенькой влюбленной курочкой. Мы с Петей надорвали животы от смеха! Каждая девушка — это только не взятая крепость, нужно время и настойчивость! Кто устоит перед великой чарошницей — наукой? Она ушла с покорным сердцем. Теперь Садык, вероятно, уже побежал со своей девушкой в загс.

— Я не думаю, чтобы Садык уже женился,— сказал повар, выглядывая в окно.— Вон он стоит перед деревом и чего-то воет.

Миша выбежал на двор. Для него было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что дела обернулись не совсем благополучно.

— Проклятый советчик! — завопил Садык, увидев Мишу.— Зачем я тебя послушался, чума на тебя и проказа! Все было так хорошо. Теперь я ее потерял! Она сегодня уехала к сестре в Ташкент — поступает учиться. Когда я ее теперь увижу? У-у!!

Миша деликатно молчал.

Олег Новиков

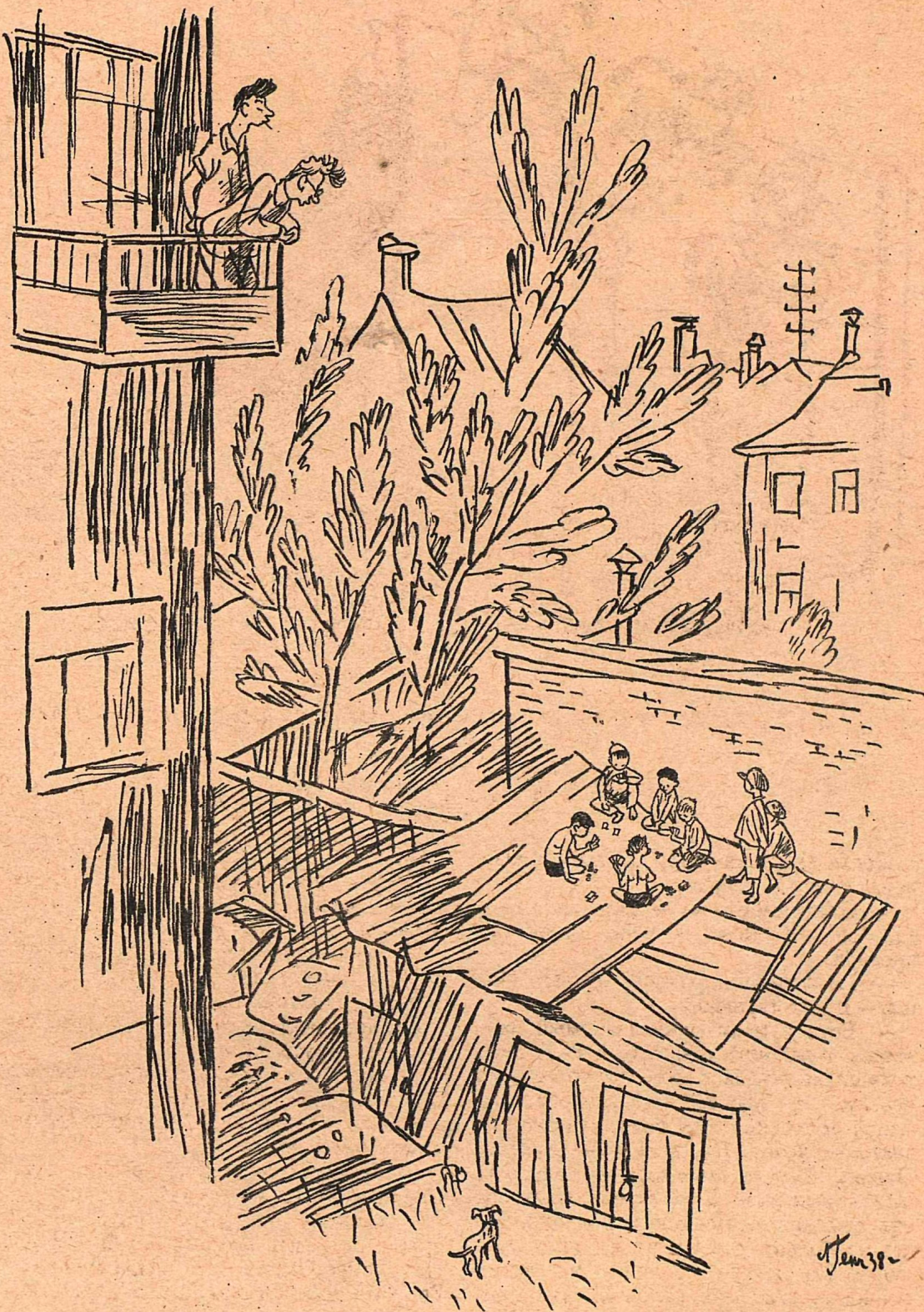

Рис. Л. Генча

ПОВОД ДЛЯ СПОКОЙСТВИЯ

— Слушайте, там дети играют в карты на деньги!..

— Разве же это настоящая игра?! У них в колоде не хватает дамы бубен и десятки пик.

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

С Копейской шахты № 2—3 (Челябинская область) приехал в колхоз имени Куйбышева представитель шахтной шефской комиссии по фамилии Волоснов.

— Добро пожаловать, дорогой гость! — радушно приветствовали его колхозники.

Волоснов очень мило провел в колхозе тринадцать дней, недурно отдохнул и укатил к себе на шахту. А через несколько дней колхоз имени Куйбышева получил из шахты № 2—3 счет:

«Следует с вас получить за время нахождения в вашем колхозе нашего представите-

ля, тов. Волоснова, по агитмассовой работе с 25 апреля по 9 мая 38 года:

суточных — 189 руб.

квартирных — 42 »

зарплаты — 248 »

начислений — 46 »

» Итого 525 рублей
Бухгалтер Козлов».

— Нда, — сказали в колхозе имени Куйбышева, — действительно дорогой гость. Непомерно даже дорогой гость. Мерси шахте № 2—3 за такое интересное шефство. А переводить шахте № 2—3 деньги по этому счету, конечно, не следует. Это был бы типичный перевод колхозных денег.

Рис. М. Черемных

ЛУЧШЕЕ ПОСОБИЕ

- Как ты научился культурно торговать? По какой книге?
- Главным образом по жалобной!..

Спросите Гапу

7 часов утра. В сельской аптеке еще тихо и пусто. Солнечные зайчики перебегают с подоконника на стены, играют веселыми световыми пятнами на разноцветных флаконах и склянках из молочно-белого стекла. Алеша Строфантов, молодой человек 23 лет, он же управляющий аптекой, сидит за конторкой, погрузившись в хозяйственные дела.

— Керосину еще надо выписать, — бормочет он, озабоченно морща свой гладкий юношеский лоб. — Опять же дров для кипятильника... Да клеевой краски для ремонта, да мелу для побелки потолков... Чорт его знает, сколько этого мелу надобно?!

Он долго щелкает на счетах и шевелит губами, и лицо у него при этом такое кислое, словно он раскусил таблетку с хинином.

9 часов. Пора открывать аптеку. Приходят помощники Алеши Строфантова — ассистент и судомойка, и вслед за ними — первые посетители. Начинается горячий день. Управляющий аптекой сразу как бы раздваивается. Вот он присел на мгновение у стола рецептара, и вот его белый халат уже мелькает у прилавка ручной продажи.

— Вася! Поддай там цинку сульфурikum в готовом виде. Копейкин! Кто тут Копейкин? Это ваш рецепт? Два раза в день по две капли в оба глаза.

— Сию минуту, граждане! Пожалуйста. Вы, кажется, спрашивали одеколон, а вы — слабительное? Рекомендую. Прекрасный одеколон «Фиалка». Способ употребления: столовая ложка на стакан воды, слабит нежно и без боли. Что? Да нет, это я не вам, это я тому товарищу, у которого живот болит. Сию минуту, граждане, вот только отпущу одеколон и английскую соль.

— Штучкин! Кто тут Штучкин? Это

ваш рецепт? Зайдите через 2 часа — будет готово. Вася, рецепт! Коивалляриум майялис достанешь на верхней полке: здесь уже весь вышел... Один момент, граждане!

В самый разгар фармацевтического аврала в аптеке появляется счетовод сельсовета 19-летняя Маринка. Она вообще подозрительно часто забегает сюда, пользуясь каждой свободной минутой. То ей срочно понадобились мятные лепешки, то зубной порошок — третья коробка за один день, — то еще что-нибудь. Если бы управляющий аптекой не был так ужасно занят, он заметил бы, что Маринка — очаровательное существо и явно равнодушна к нему, Алеше Строфантову. Ей нравится решительно все в этом симпатичном молодом человеке: и его светлая шевелюра, и стремительные жести, и его голос, которым он поминутно произносит разные красивые слова вроде «натриум бикарбоникум». Но он ничего не замечает.

В 6 часов вечера аптека закрывается. Алеша Строфантов снова занимает свое место у конторки. Надо подсчитать кассу, провести выручку по книгам. Затем час передышки, и снова до полуночи трудная, кропотливая возня. Кто еще, как не управляющий аптекой, будет проверять счета, писать требования на товары, составлять отчеты и вести всю канцелярскую переписку с районным или областным центром?

Поздно вечером в село заворачивает какой-то наркомздравский чин, совершающий гастрольную поездку по периферии.

— Трудитесь, молодой человек? — покровительственно говорит он Алеше Строфантову. — Ну-ну! Это хорошо, что вы трудитесь. У нас, знаете, такая сейчас нехватка аптечных кадров, это

просто ужас! 8 тысяч врачебных пунктов в РСФСР, и только 2757 аптек! В Курской области закрыты 4 сельских аптеки: людей нет. В Краснодарском крае закрыты 3 аптеки: людей нет. Просто ума не приложу: почему это наша молодежь так неохотно идет в фармацевты?

— Точно вы не знаете, — говорит Алеша Строфантов, глядя с откровенной неприязнью на залетного гостя. — Сколько у вас получают ассистенты в сельских аптеках? 135 рублей в месяц получают. Да еще должны перед тем окончить семилетку да еще три года учиться на фармацевта...

Наркомздравский чин слушает и сочувственно кивает головой:

— Да, да! Это действительно. Это прямо-таки ненормально: с семи утра до двенадцати ночи? Ай-яй-яй! И выходных дней нет? Ну, понятно, какая уж тут общественная работа и личная жизнь...

Выразив свое глубокое сочувствие, залетный гость едет дальше.

— Мужайтесь, молодой человек! — проникновенно говорит он на прощанье. — Знаете, как это поется в популярной народной песне: «Мы не заметные герои! И про нас!..» Хе-хе, так-то...

Поздно ночью в аптеку звонит запыхавшаяся Маринка. У нее сильно заболела соседка, выписан срочный рецепт, нужно немедленно же приготовить лекарство.

Проходит несколько минут, дверь аптеки открывается.

— Как! Это вы? — удивленно говорит Маринка. — Неужели вы еще и ночью дежурите, Алексей Петрович?!

На ее лице и нежность, и жалость, и... Ну, словом, этого невозможно не понять. Вот сейчас, сию минуту Алеша Строфантов прозреет и все поймет, и сам влюбится без оглядки в эту чудесную девушку...

Прикрывая рукой нестерпимую зевоту, молодой фармацевт смотрит на Маринку холодными, костяными глазами. Молча берет у нее рецепт, молча идет за стойку и начинает толочь ступкой какое-то белое, душистое зелье.

— Алексей Петрович, — робко говорит Маринка, — вы же себя изведете, Алексей Петрович. Зачем вы столько работаете?

— Спросите Гапу, — со злостью бурчит Строфантов. — Вы не меня, вы Гапу спросите, почему я работаю безо всякой охраны труда...

Возвращаясь домой с лекарством, Маринка глотает слезы. Ну, теперь все понятно. Это он для какой-то Гапы изводит себя этой чортовой работой. Интересно посмотреть, какая она! Наверно, крашеная блондинка с красными маникюренными ногтями, какая-нибудь бессовестная хищница... Теперь все ясно, больше в аптеку — ни ногой. Гапа...

В это же время Алеша Строфантов беспокойно ворочается на своей постели и что-то бормочет. Он ругается во сне с чиновниками из Гапу — Главного аптекоуправления Наркомздрава.

Мих. Львов

Маленькие рассказы

Подход

Художник был недоволен.
 — Никуда не годится! Бездарно! Серо!
 Приятель возмутился:
 — Серо?! Да ты знаешь, эта копия с чьей картины? Серова! Это же «Девушка с персиками».
 — Знаю. Серова. «Девушка с персиками». И повторяю. Серо. Бездарно.
 — Да это чудесная картина, балда ты такая!
 — Не ругайся. Я не о картине говорю. А о подписи. «Девушка с персиками!» Ха-ха!
 — А как бы ты ее назвал?
 — Я? — художник прищурил глаз. — Я? «Пионерка с персиками из совхоза цитрусовых». Да, да, милейший! Ты помнишь мой эскиз девушки в пестром платье?
 — Помню! Чепуха!
 — Может быть... Но я ее подписал «Дочь колхозника». И когда жюри заартачилось, я нажал. Как?! «Дочь колхозника» бракуете?! Вы что же, таким сюжетам палки вставляете?! Сдались. Приняли. А это?.. Девушка. С персиками. Нет, нет, никуда не годится!..

Неудачник

Фармацевт Макаров переквалифицировался в работника прилавка. По секрету он сообщил мне:
 — Хочу немного подработать. Вы знаете, у меня есть знакомая продавщица в масляном магазине, так она имеет минимум восемьсот. Минимум!
 И делал круглые глаза.
 Через месяц я зашел в масляной магазин. К Макарову стояла очередь, а у соседней продавщицы не толкалось и двух человек. Кто-то из очереди сказал мне о Макарове:
 — Он очень точно вешает. Долго. Но с точностью до грамма.
 В перерыв Макаров подошел ко мне и сказал:
 — Я, видимо, неудачник. Как она восемьсот имеет, не понимаю. Да, работа нетрудная. Там лекарства вешал, здесь — масло. Но никак, никаких восьмисот у меня не получается.
 И делал круглые глаза.

Память

Сотрудник районной газеты внимательно рассматривал лицо человека, управлявшего всем районом, и довольно почтительно спрашивал мнение о тех или других председателях колхозов. Время от времени беседу прерывал какой-нибудь один из четырех телефонов, водруженных на столе.
 — Как вы думаете, тов. Сергеев, о председателе «Нового быта»?
 Тов. Сергеев чуть прищурил глаза:
 — «Нового быта»? Помню, помню! Тенорок у него такой. Ничего ничего, исполнительный тенорок!
 — А о «Восходе»?
 — «Восход»... Ну, это знаменитый был председатель. Басище у него страшный! А теперь уж вместо баса сопрано какое-то.
 — Да, да! Кожемякин уехал на учебу, теперь там Фекла Степанова.
 — Ну, ну... Я говорю же сопрано такое. Я, брат, всех помню. У кого зрительная память, а у меня ушная. Сидишь тут как регент и хором этим управляешь.
 — Они все мечтают увидеть вас лично, так сказать, на месте поговорить.
 — Это уж когда... современем. А сейчас слышат — и ладно...
 Неожиданно телефоны зазвонили все сразу, четыре.

В. ТОБОЛЯКОВ

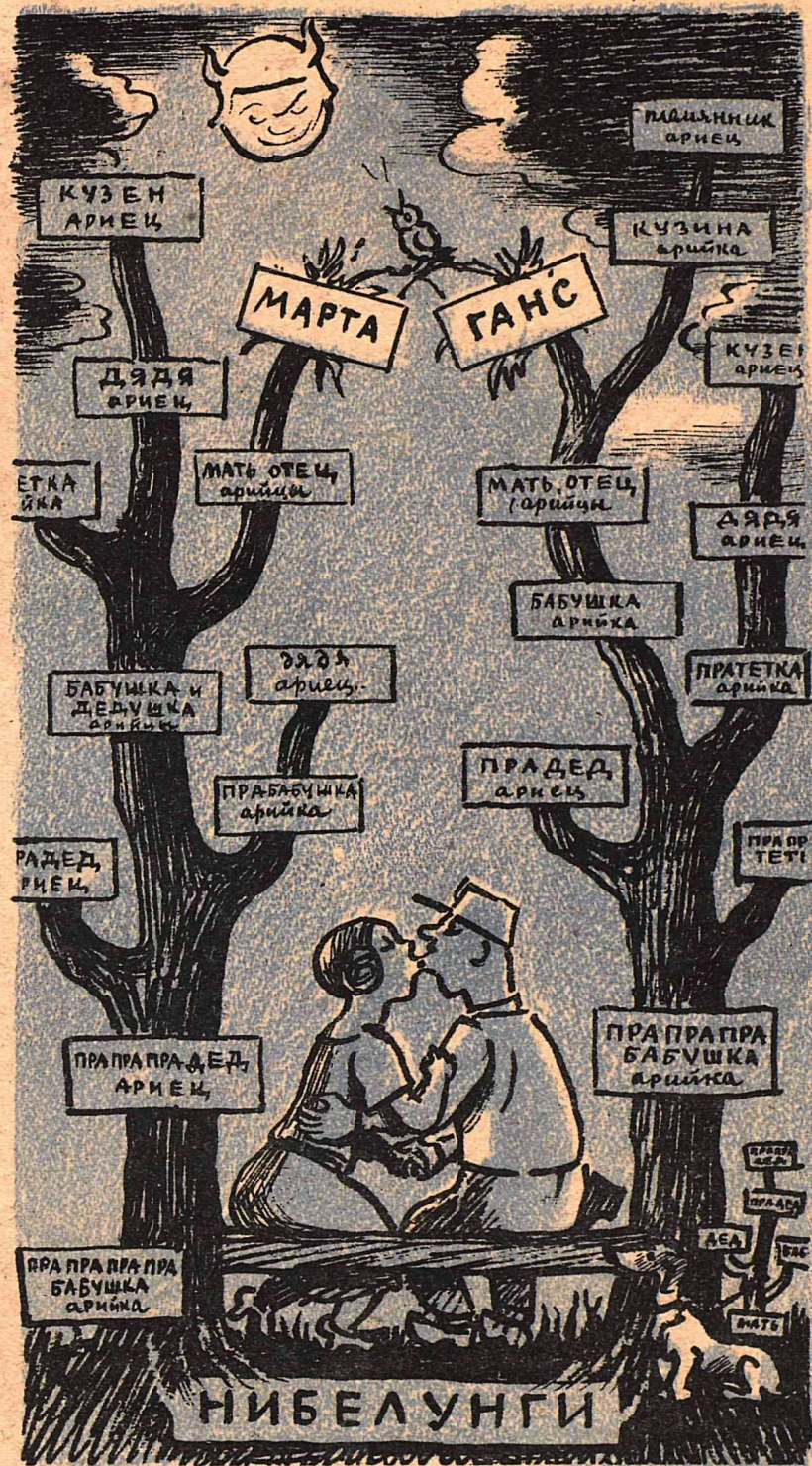

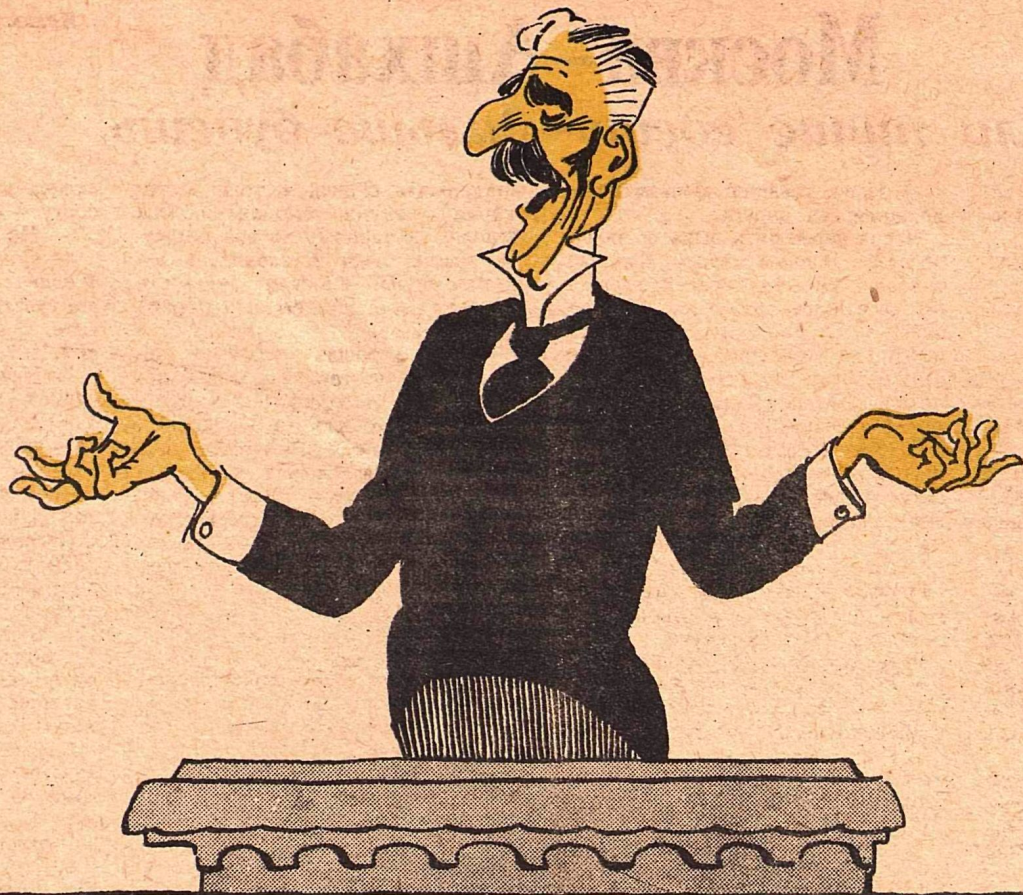
Рис. Н. Радлова

ЛЮБОВЬ ПОД ВЯЗАМИ

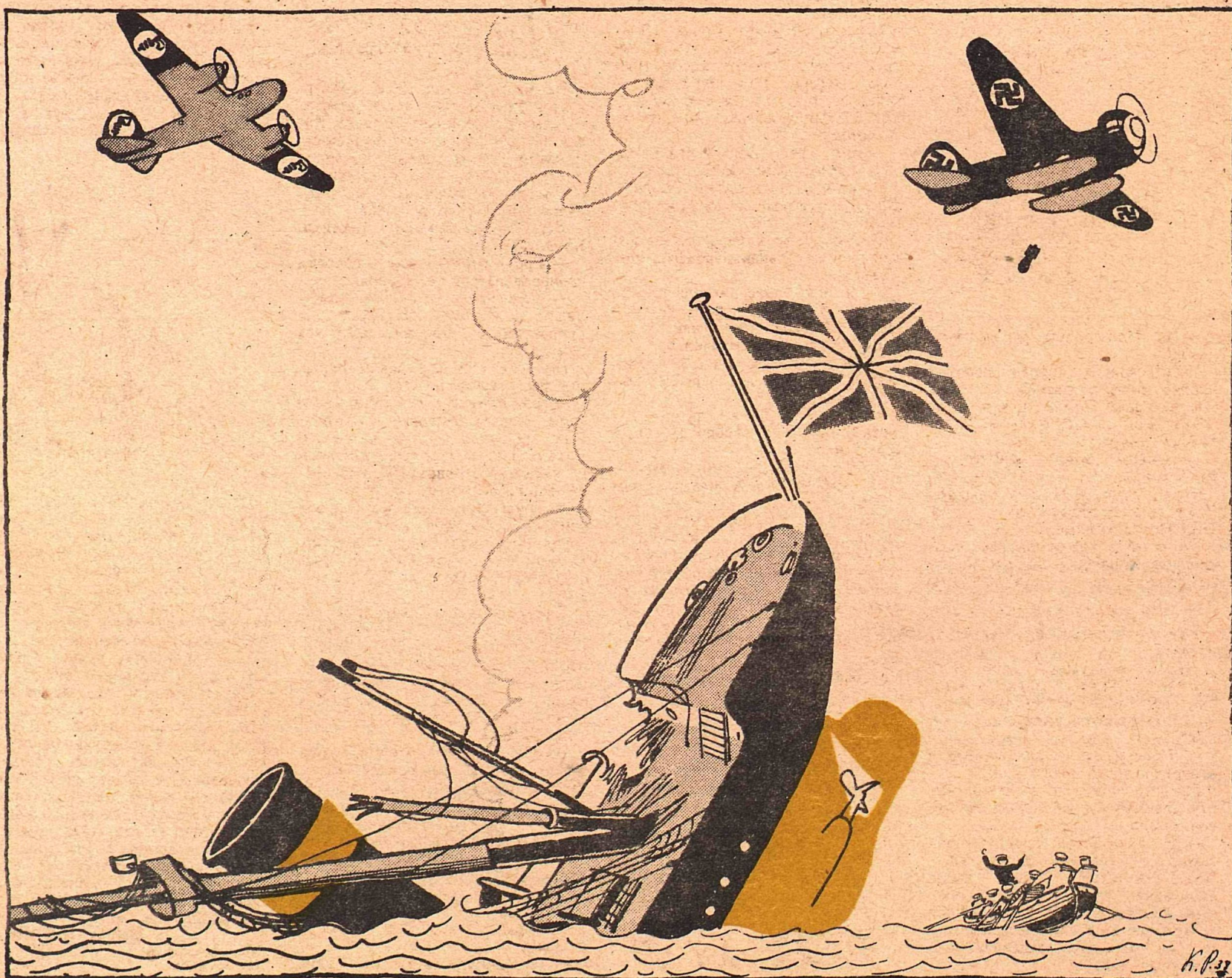
Свидание арийцев в генеалогической роще.

ЗАЙКО И СЛОН

Случилось так, что дом, принадлежащий Кондинскому райпотребсоюзу (Остяко-Вогульский нацокруг, Омской обл.), оказался частично занят посторонними жильцами. Кондинский прокурор на жалобу райпотребсоюза заявил, что он сделать ничего не может и что по делу следует обратиться в нарсуд. Но... в Кондинском районе нет нарсуда.
 Жалоба райпотребсоюза была направлена в Наркомюст РСФСР. Заведующий бюро жалоб этого наркомата товарищ Зайко — человек репутительный. Он переслал письмо Омскому облсуду: «При сем препровождается заявление... о выселении жильцов, незаконно занимающих жилплощадь в домах, принадлежащих Кондинскому райпотребсоюзу. Жалобщик в своем заявлении указывает, что в Кондинском районе нет нарсуда — вследствие чего направляем вам данную переписку для рассмотрения по существу».
 Итак, пусть облсуд рассудит, кому должна принадлежать жилплощадь. И все! А отсутствие суда в Кондинском районе товарища Зайко, значит, не смутило-вовсе. Как в басне: слона-то он и не приметил... Рассеянный он, видно, этот товарищ Зайко!

Как аукнется...

...так и откликнется.

Рис. К. Рогова

ЛОНДОНСКОЕ ЭХО

Москва — Ашхабад

или тише едешь — дальше будешь

Кассирша протянула бланк с голубым силуэтом парящего самолета и нерешительно спросила:

— А вы не проспите, гражданин? Деньги не возвращаются.

— У меня бессонница, — успокоил ее гражданин.

— А телефон есть?

— Пожалуйста, Д 1-46...

— А вдруг телефон испортится? Лучше ночуйте у нас в гостинице: тут вам не проспать!

За полтора часа до отлета в уютной пассажирской комнате Московского аэропорта собрались транзитники.

— Пожалуй, погода, того, нелетная, — с сомнением начал неопределенный гражданин, оглядывая одинокую тучку у горизонта.

— Самая летная, посмотрите на облачко, — авторитетно возразил седоватый пассажир с меднокоричневым лицом ирокеза. — Помню, как раз в такой денек мы...

— А вы много лета-али? — тожно спросила единственная пассажирка, сидевшая на двух больших чемоданах и державшая в руках плед, шляпу, три объемистых свертка и четыре сморщенных лимона.

— Я? Помню, как раз в такой денек...

— А скажите, перед полетом вредно много кушать?

— Вредно? Помню, как-то раз...

— Аэрон в таблетках действительно помогает, да?

— Аэрон? Помню, как-то раз мы снились в Батай-Ламе; вокруг ни души, ковыль и чинары... Я шесть дней питался одним аэроном. Потом спасли.

За полчаса до отлета на посадочную площадку выкатили четырехмоторную металлическую птицу.

— «СССР-Л-1489», — с удовольствием прочел ирокез. — Сейчас на посадку.

Однако воздушный волк ошибся. Птицу опять укатили к ангарам, обставили лестницами и начали неторопливо выстукивать молотками.

— Проверяют, — констатировал неопределенный гражданин.

Прошло часа три. У птицы выстукали хвост и принялись за левое крыло.

— Не волнуйтесь, граждане пассажиры! — успокаивал дежурный. — Через пятнадцать минут после окончания проверки — в воздухе.

— А когда окончится проверка? Дежурный с изумлением взглянул на пассажира, задавшего неуместный вопрос:

— Надо, товарищ, понимать: это не железная дорога...

Часов через пять была объявлена посадка. Ровным строем, подозрительно косясь на соседей, граждане пассажиры ринулись к аэроплану. Стоило левостороннему выйти на полкорпуса вперед, как вся цепочка судорожно прибавляла шаг. Но неожиданно у алюминиевой лесенки первым финишировал ирокез, еще из ресторана увидевший, что он может не захватить лучшего места в носу самолета: удобного докторского кресла...

Старая хорошая традиция железных дорог — нумеровать места для дальних поездок — в аэропорту с негодованием отвергнута.

Взревели моторы, «СССР-Л-1489» дрогнул и заковылял на старт.

— В полете! — констатировал неопределенный гражданин.

Но он забыл, что это не железная дорога. Хвостовое колесо забыли выстукать, и оно отомстило.

Самолет остановился.

— Туго накачали — и пшикнуло, — со знанием дела установил воздушный ирокез.

— Или слабо накачали — и пшикнуло, — поддержал неопределенный гражданин.

Прошло 30 минут. Сорок. Пятьдесят. Колесико сменили. Осталось поставить закрепляющие болтики. Первую пару поставили за 6 минут. Вторую — за 4. С последним болтиком возились 43 минуты. А потом...

— Вот что, граждане пассажиры, — сказал дежурный. — Садитесь в автобус, поезжайте обедать. Опробуем колесико в воздухе — полетите.

После обеда к пассажирам вышел сам начальник аэропорта тов. Ловцов.

— Я могу вас выпустить до Пензы, но какой интерес лететь в Пензу? — сказал начальник.

Ему никто не возразил.

— А завтра утречком, отправим раньше расписания, — бодро продолжал начальник.

— На сутки позже, значит, полетим? — спросил неопределенный гражданин.

...На следующий день, ровно в 9.30, «СССР-Л-1489» плавно оторвался от земли.

Полет протекал, как полет. Мы не делали «бочек», не входили в «штопор» и избегали «мертвых петель». Единственно любопытно, что через час после взлета температура в пассажирской кабине спустилась до +3°. Меднокоричневое лицо выдавшего виды воздушного волка стало отливать синевой. Каждый отдал, что мог, чтобы

поддержать огонек в теле пассажиры с двумя чемоданами. Она сидела, укутавшись во все пиджаки, какие были в кабине, а мы по-извозчицки хлопали руками и приплясывали до самого города Куйбышева.

Старая хорошая традиция железных дорог топить вагоны, когда в них холодно, на воздушной линии отвергнута. А жаль!

С полчаса «СССР-Л-1489» шел над Волгой, казавшейся сверху куда меньше и хуже Москвы-реки, и приземлился на Куйбышевском аэродроме. Лязгая зубами, пассажиры прыгали на землю под горячее волжское солнце.

От непрерывного рева моторов устали уши, и пассажиры перестали слышать собственные шаги. Казалось, что идем по большому, толстому слою ваты, беззвучно шевеля губами и бесшумно чихая...

В меню ресторана аэропорта значился богатый выбор блюд.

«Ши грр. Лангеты. Тефтиля. Кампот».

— Грр — горячие щи? — спросил неопределенный гражданин.

— Наверное, грибные, — догадался ирокез, уже вернувший себе природный меднокоричневый цвет лица.

Но, как объяснил потом повар, ши были гражданские.

Через 45 минут «СССР-Л-1489» снова был в воздухе. Гражданские ши взяли свое, и до самого Актюбинска пассажиры изволили безмятежно почитать. Кстати, необъяснимо потеплело.

Актюбинский аэропорт принял нас очень вежливо, умыл, свез в город (накормил), привез обратно, уложил спать, а рано утром разбудил и отправил дальше, на Джусалы.

Джусалы — это сковородка, которую поставили на примус четыре часа тому назад. По забывчивости хозяйка вместо масла бросила на сковородку пригоршню песка, и получились Джусалы. Все очень обрадовались, когда полетели дальше.

«СССР-Л-1493», который, увлеченно жужжа, вез нас от Актюбинска, шел ровно, как троллейбус. Вся разница заключалась в том, что на месте кондуктора сидел бортрадист, вместо билетов до Охотного выдавались розовые томпоны для предохранения ушей и на поворотах ролики не соскакивали с проводов, потому что роликов, как, впрочем, и проводов, не было.

— Приехали? — искренно уди-

вились нам в Ташкентском аэропорту. — А мы и не ждали!

— На Ашхабад когда отлетим?

— Помилуйте! Что за спешка! Съездите в город: здесь цыгане выступают, урюк поспел... Поживите, осмотритесь, а там поговорим...

— Нам некогда, — робко сказал ирокез.

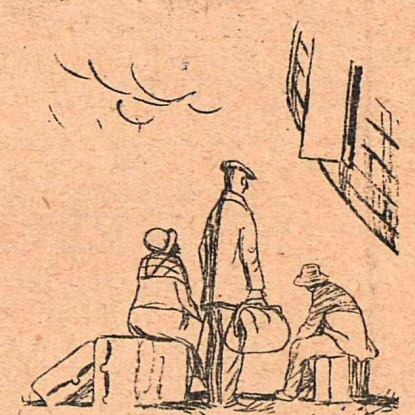
— А у нас, думаете, есть время? — обиделся представитель порта. — Ни времени нет, ни машин, ни номеров в гостинице. Так что, пожалуйста, устраивайтесь.

Пассажиры притихли.

Только на следующий день (с двухчасовым опозданием) нас милостиво выпустили на Чарджоу, где после трех часов полета снова почти сутки следовало ожидать самолета на Ташауз (трехчасовой полет!), а в Ташаузе — ждать самолета на Ашхабад.

Старая хорошая традиция железных дорог укладывать пассажира на его место в Москве и будить под Ашхабадом была, понятно, отвергнута.

У каждого станционного, точнее портового, буфета есть свои, одному ему присущие черты. В Ташкенте, например, чай подают с большими столовыми ложками в стаканах. В Чарджоу гвоздь меню — перекишнее прошлогоднее мацони. В Ташаузе громадные синезеленые мухи — основные потребители засохших французских булок. Кроме булок и мух в ташаузском буфете не оказалось ничего.

Итак, уже далеко внизу промелькнули безводные пляжи Кара-Кумов, кофейная гуща Аму-Дарьи и причудливые башни бесчисленных глиняных дувалов.

— Ашхабад, столица солнечной Туркмении, — констатировал неопределенный гражданин.

Ему никто не возразил. Вот, собственно, и все. Приведем только несколько цифр.

Поезд идет от Москвы до Ашхабада 130 часов. Стоимость билета в жестком вагоне — 163 рубля и даже в международном вагоне — всего 301 рубль. Самолет, назначенный к вылету на 9.30 пятнадцатого июня, доставил пассажиров в Ашхабад через 99 часов. Стоимость билета — 627 рублей. Итого: экономия 31 час при перерасходе 326 рублей.

Время, конечно, — деньги. Но не слишком ли дорого по 10 с лишним рублей за час?

В. ИОРДАНСКИЙ
Москва — Ашхабад.
15—19 июня.

Рассеянные люди

Друзья-читатели! Обращаемся к вам с горячей просьбой: помогите нам разыскать двух граждан Советского Союза — гг. Пермякова и Коновалова.

Описать их наружность не можем. Мы их никогда не видели. Их фотографий тоже не имеем. Знаем только, что Пермяков — директор какой-то фабрики. А Коновалов — начальник отдела снабжения и сбыта той же неизвестной нам фабрики.

Известно нам также и то, что оба эти товарища в данное время сильно тоскуют. Но вот беда: никак не можем установить, где они тоскуют.

Этот вопрос занимает не только нас: он более всего интересует работников Челябинского тракторного завода.

Дело в том, что недавно Челябинский тракторный завод получил такого рода взволнованное письмо:

«Испытывая большую нужду в реакторах типа «РБ-6-200-5» пятипроцентных и имея сведения от Уралэнерго о том, что у Вас одно время были таковые в излишке, обращаемся к Вам с настоятельной просьбой оказать нам техническую помощь в части продажи одного комплекта вышеуказанных реакторов. Ваш ответ просим не задержать ввиду острой нужды фабрики в реакторах.

Директор фабрики Пермяков.

Нач. отд. снабжения и сбыта Коновалов».

В этом письме все есть для того, чтобы тронуть чувствительное сердце: «испытывая большую нужду», «настоятельная просьба», «просим не задержать ввиду острой нужды».

Нет только одного — нет адреса. Тоскуют люди по реакторам, а где тоскуют, — неизвестно.

Оказывается, что и директор и его начальник снабжения и сбыта — весьма рассеянные люди. Они упустили в своем трогательном письме мелочь — указать город и название фабрики, которой они руководят. Получилось, как в известном чеховском рассказе. Мальчик написал на конверте короткий и убедительный адрес! «На деревню дедушке».

В Челябинске есть реакторы. Челябинцы горят желанием оказать Пермякову и Коновалову техническую помощь. Челябинцы хотят срочно ответить. Но куда писать? Куда послать реактор? «На деревню, дедушке?»

Много их таких рассеянных дядюшек. Например, знаете ли вы товарища Заику? Кто его не знает, — просьба поднять руку!

Видим, как десятки тысяч, сотни тысяч, миллион рук поднимаются по всей стране. Оказывается, что подавляющая часть населения Советского Союза — как это ни странно — не знает почтенного Заику. На фоне общего роста культуры в стране это — большое упущение. Но, как говорится, супротив фактов не попрешь. А факт таков: многие еще не знают Заику.

Имеются такие люди и в Днепропетровске, в Союззаготснабе. Но обо всем этом не подозревает сам Заика. Он уверен, что его фамилия звучит как песня в устах миллионов.

А посему он самым спокойным образом шлет из Тамбова телеграмму:

«Днепропетровск Союззаготснаб

Срочно багажом отправьте тарные гвозди отсутствие приостанавливает упаковку Заика».

Куда? Кому? Какая упаковка? Об этом ни слова. Догадывайтесь сами.

Такой же Заика проживает и в Орле. Ему тоже нужны гвозди. У него тоже срывается какое-то производство. И он телеграфирует:

«Днепропетровск Союззаготснаб

Отгружайте гвозди четыре тонны срывается производство Енаольцев».

А кто он такой этот Енаольцев? Где он работает? Зачем ему понадобились гвозди? Все это остается загадкой.

А потому ни тамбовский Заика, ни его орловский приятель гвоздей не получают. А производство, может быть, действительно срывается...

Многое срывается из-за рассеянности и небрежности задумчивых чиновников.

Недавно эвенкийский окружком партии Красноярского края получил из Москвы телеграмму:

«Телеграфьте какой общеобразовательной базе можете произвести набор политпросветшколу Баршак».

Эвенки — маленький когда-то отсталый народ. За годы советской власти эвенки значительно выросли и политически и культурно. Но можно ли их обвинить в том, что они, как и мы, не знают, кто такой Баршак и куда ему можно телеграфировать.

Заики и Баршаки охотно подписывают всякие телеграммы и прочие бумажки, не затрудняя себя чтением того, что они подписывают. А если и читают, то не задумываются над прочитанным.

Заместитель председателя Омского облисполкома тов. Чичерин и уполномоченный по Омской области тов. Стариков прислали Аромашевскому райисполкому грозное указание:

«Мясозаготовки в I квартале 1938 года по Вашему району прошли исключительно слабо...»

Тут же дается объяснение, что означает эта формулировка, — «исключительно слабо»:

«Задание выполнено всего лишь на 184 процента...»

Всего лишь на 184 процента! Какой провал! Действительно, тут никакой описки или опечатки нет. Район выполнил мясозаготовки на 184 процента. Но ни Чичерин, ни Стариков не читали того, что они подписывали. Ввиду этого они еще добавили в своем письме:

«Задание на I полугодие находится под угрозой срыва... О принятых мерах информируйте».

В Аромашевском районе до сих пор смеются, вспоминая этот забавный случай. Но вот гражданке А. Кобелевой, проживающей в Ленинграде, не до смеха.

Она получила повестку. Ее вызывают в суд. За неявку — штраф или принудительные работы.

Хочет Кобелева явиться в суд. Но не может бедняжка, потому что на повестке забыли написать, куда явиться, в какой суд.

Как видите, рассеянные люди водятся у нас на всех широтах. И произрастают они при любых климатических условиях.

А проистекает эта рассеянность из глубокого равнодушия, из чиновничьего отношения к работе и к людям.

Г. Рыклин

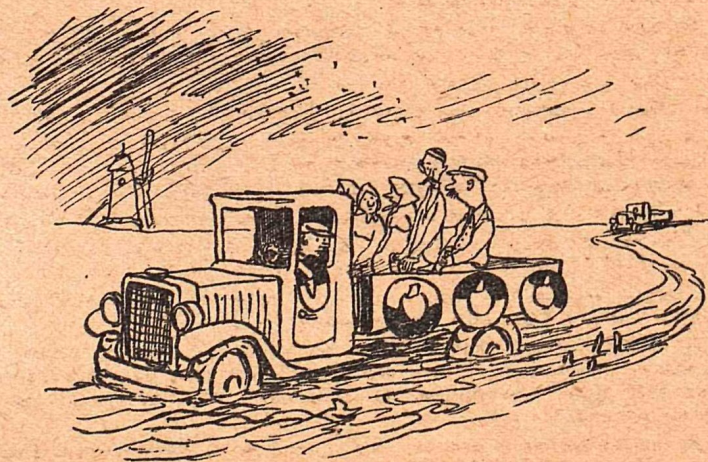

Рис. И. Семенова

СПАСЕНИЕ НА ГРЯЗЯХ

— Все-таки есть забота о проезжем человеке. Вот дали спасательные круги. Теперь можно спокойно вываливаться!..

Рис. И. Семенова

РЕЗОННОЕ БЕСПОКОЙСТВО

— Мамочка, хотя в магазине и мало народу, но раньше чем через час мы не уйдем. Ведь наш продавец стоит к весам последним.

Двойное коварство

В № 13 Крокодила был напечатан фельетон «Коварный Мостру». Это было в мае 1938 года.

Через некоторое время редакция получила письмо от директора Туристско-экскурсионного управления ВЦСПС тов. Бондаря.

Среди прочих там были и такие волнующие строки:

«В последующий период времени и по настоящее время обслуживание туристов на канале значительно улучшилось».

Ах, как приятно! Улучшилось! Да еще значительно. Чувство тихого умиления охватило всех, а что касается автора фельетона, то он просто земли под ногами не чуял от радости и стал уже сколачивать коллектив для экскурсии по каналу.

Но этой экскурсии не суждено было состояться. Когда мы прочитали письмо туристов Зорькиных, настроение как-то сразу упало. И поскольку письмо пришло уже после оптимистических заверений тов. Бондаря, оно как-то подкосило наше доверие к этому документу. Пострадавшие Зорькины красочно рассказывали о своем путешествии на теплоходе «Иосиф Сталин».

«Захотелось помыться... В умывальнике неисправность — мыться нельзя. Сунулись к душам и ванной, но эти совершенные очаги гигиены оказались недоступными».

— Нельзя! — строго сказал вахтенный проводник. — Будете загрязнять канал! Гигиена же ж, понимать надо!..

Вообще на воде хуже всего оказалось дело именно с водой. Тот же вахтенный, по нашей просьбе, принес нам полный графин мутноватой жидкости для питья.

— Это что? — удивились мы.

— Вода! — отрезал он. — Речная. Другой нет, баки для нее не сделаны...»

И еще о многих других неприятностях рассказывали в своем письме обиженные Зорькины. Жизнерадостный сотрудник журнала, собиравшийся в путешествие, заметно увял, а тут еще пришло письмо группы школьников, вконец подорвавшие его силы.

По поручению нескольких одноклассников школьник Ю. Лемберг писал:

«Что же это такое, товарищи! Мы старались, доставали заранее билеты на теплоход, а когда 24 июня пришли на пристань, все пошло прахом».

— Рейс теплохода «Советская республика» отменяется, — сообщил спокойный радиоголос. — Желающие могут воспользоваться катером...

Ну мы воспользовались. А там, на катере, к нам отнеслись, как к старым морским волкам из романов Стивенсона. Целый день нас обдували ветры, буфет предлагал нам из еды сухие бутерброды, напоминающие морские сухари, из напитков — исключительно водку...»

И уже после этого письма наше доверие к словам тов. Бондаря окончательно рухнуло. Нам стало ясно, что меры вовсе не приняты, что пароходство и Мостру по-прежнему обманывают и общественность и туристов.

В письме тов. Бондаря, между прочим, сказано:

«На виновных в скверном обслуживании туристов нами наложено взыскание». Ох, не верится! И в это не верим! Чует наше сердце, что одного очковирателя и главного виновника забыли. Мы имеем в виду директора Туристско-экскурсионного управления ВЦСПС. Его фамилия — Бондарь.

А что касается пароходства, то все вышеизложенное полностью относится и к нему.

Общежитие

О хорошем, как правило, помнит любой...
И годами хранит, никуда не девая...
Наступила пора —
Я прощаюсь с тобой,
Общежитие, пристань моя путевая...

Под твою невысокую крышу уже
Не вернусь мимолетного отдыха ради.
И настольный огонь на моем этаже
Озарит не мой, а чужие тетради...

Я экзамены сдал...
Я уеду надвях,
И как другу, последний визит отдавая,
Говорю, находясь в этих милых стенах:
Общежитие — пристань моя путевая!

Здесь я жил, никогда не грусти о былом.
В предзачетные ночи сидел до рассвета,
На учебных пособиях спал за столом...
Разве можно из памяти вычеркнуть это?

Разве можно забыть,
Как дурачились мы,
На стипендию дружеский пир затевав,
Как тобой дорожили во время зимы,
Общежитие, пристань моя путевая!

Нет!
Минует любое количество лет,
Я же буду здесь мысленно снова и снова,
Где студенческий мною хранимый билет
Был действителен вплоть до числа выпускного...

И с другими, собравшись гулянуть надому
И мотивы студенческих лет напевая,
Я пьянящий бокал за тебя подыму,
Общежитие,
Пристань моя путевая!

СЕРГЕЙ СМЕРНОВ

Как поссорились...

Было это так. Пришла молодая учительница Лида к своей подруге студентке Люсе. Посидели, поговорили. И вдруг спрашивает Люся свою подругу Лиду:

— Слушай, Лида, правда, что твоего мужа облили в школе водой?

— Кажется, нет,— сказала Лида.— А что?

— Ничего,— сказала Люся.

Но начало истории было положено.

— Ничего себе, ничего! — сказал один из гостей.— Молодого педагога обливают водой в учебное время! Видно, тяжело пришлось бедным ребятам. Что он, кусался, что ли?

— Его в перерыве облили,— громко сказала Лида.— И вообще я не понимаю! Облили человека водой, а им смешно! Не понимаю!!

— Такого человека керосином надо облить! — проникновенно шепнул люсин брат Женя.

— И поджечь! — подхватили гости радостным хором.

— Его, может быть, нечаянно облили! — возмутилась Лида.— А вы уж и рады! Не понимаю!

— Ах, нечаянно! — ядовито восхитился Женя.— Скажите, какой странный случай! Что ж, ему и пиджак нечаянно облили? А то, бывает, и брюки нечаянно обливают! Подойдет какой-нибудь такой мальчишка с кружкой воды: «Ах, я вас так уважаю, Юрий Осипович! Ах, вы так хорошо все объясняете! Ах, позвольте вас нечаянно облить!..»

— И вовсе не смешно! — сказала Лида, когда кончили смеяться.

Через минуту все забыли об этой ерунде и не вспоминали о ней ни разу за вечер. Только Лида почему-то была неразговорчивой и уже не смеялась.

По дороге домой Лида лихорадочно обдумывала план защитных мероприятий.

«Нет,— думала она,— это не шутка! Разве можно шутить такими вещами? Он мой муж, она моя подруга, они мои знакомые—и вдруг смех! Это же—оскорбление! За якобы невинными шуточками я вижу подрыв авторитета мужа и педагога! Я этого так не оставлю!»

На следующее утро Люсю позвали к телефону.

— С тобой говорит твоя бывшая подруга Лида,— услышала она.— Я хочу тебе сказать как бывшей подруге, что я от тебя этого не ожидала.

— Чего этого? — простила ошеломленная Люся.

— Того этого!.. — сказала непреклонная Лида и повесила трубку.

Через минуту позвонили опять.

— Может быть, тебе неинтересно,— опять сказала Лида,— но его облили совершенно нечаянно. Просто несли в химический кабинет воду, споткнулись и облили. И я тебе никогда этого не прощу!

— Лида... — сказала Люся.

— Никогда! — сказала Лида и повесила трубку.

Вечером почтальон принес Люсе письмо:

«Я не знаю Вас,— писал учитель химии той школы, где преподавал лдин муж,— но Лидия Михайловна очень просила меня сообщить Вам возможно подробнее обстоятельства дела. Так вот. Воду, действительно, несли в мой кабинет, из которого и выходил Юрий Осипович. Неожиданно открытая дверь была причиной того, что несшие воду ученики споткнулись и некоторая часть воды выплеснулась

на брюки Юрия Осиповича. Таким образом, вы видите...»

Люся отложила письмо и заплакала.

А Лида тем временем продолжала свою энергичную деятельность. Она звонила по телефону к дальним родственникам и знакомым.

— Вы слышали? — волнуясь, спрашивала она.— Вы слышали, что говорят про моего мужа?

И тут же она подробно излагала всю историю с брюками и водой, клеймила поведение коварной Люси и убедительно доказывала, что воду вылили, действительно, не нарочно. В результате она сама добилась того, что об этом малозаметном факте заговорили все.

В течение последующих дней с утра до вечера к Люсе звонили все ее и лидины общие знакомые, развивавшие на разные лады несложное положение о том, что если человека случайно облили водой, то в этом нет ничего зазорного. После каждого звонка Люся хваталась за голову и тихо стояла.

Однажды вечером, когда собралась обычная компания, в дверь постучали и в комнату вошел смущенный до потери сознания курносый пятиклассник.

— Мне Лидия Михайловна сказала... — начал он прерывающимся голосом, поперхнулся и вынул из кармана какую-то бумажку.

«Юрия Осиповича,— прочел он,— я облил совершенно случайно. Он хороший преподаватель. Мы все его очень любим. Самого лучшего педагога могут обливать нечаянно. Каждого из вас могут нечаянно облить водой. Смеяться над этим могут только очень злые люди».

— Я и сам облился,— уже от себя добавил мальчик и вышел, не попрощавшись.

Лида и Люся перестали встречаться. Все попытки примирить их разбиваются о несокрушимое чувство взаимной обиды. И просто трудно предположить, чем теперь кончится эта история.

Этот рассказ написан почти что с натуры. В основу его лег подлинный факт. И очень обидно, что хорошие люди ссорятся в наше время из-за подобного пустяка. Это получается как-то некрасиво, глупо и подает дурной пример ученикам.

Мы, возможно, не улавливаем всей тонкости внутрисемейных отношений, но нам кажется, что даже молодые могут трезво относиться друг к другу и к окружающим. Дружить и ссориться, нам кажется, сейчас уже нельзя так, как это делали Иван Иванович и Иван Никифорович.

А что касается мужа, то его, наверное, и в самом деле облили нечаянно.

А. Раскин, М. Слободской

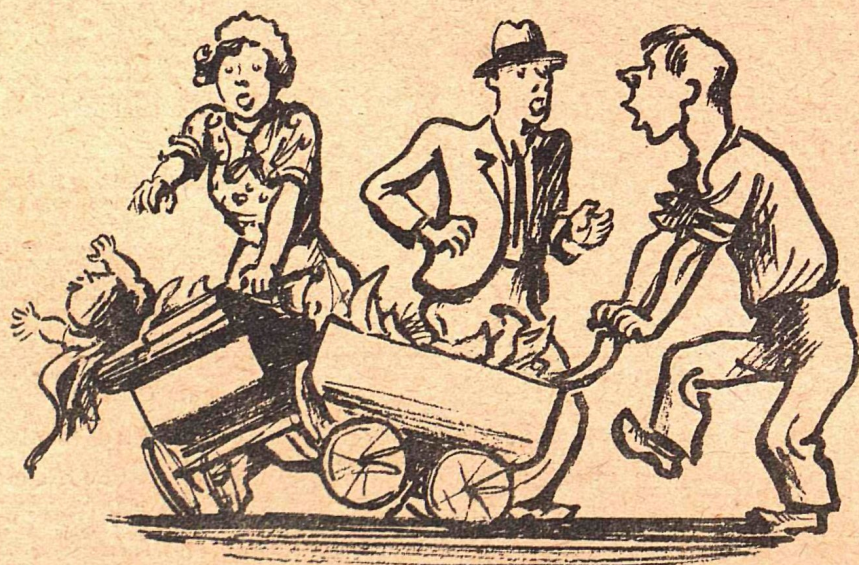

Рис. Н. Радлова

УЧЕНОГО УЧИТЫ..

— Растяпа! Научитесь управлять хотя бы детской коляской!..

— И это вы говорите мне, шоферу?!

Вместо рецензии

До этого дня мы принадлежали к доверчивому и простодушному разряду зрителей, которые не видели живого рецензента.

Каждый раз, когда раздвигались тяжелые складки занавеса, сердца наши наполнялись каким-то священным благоговением. Мы робели, придерживали дыхание и во время действия позволяли себе разные наивные эмоции. Да, да! На нашей совести были и аплодисменты, и громкие вопли «браво», и физиологический (утробный) смех, и даже непроизвольные восклицания, вроде «Ах!» «Ого-го!» «Вот это — да!» И т. п.

Но вся наша детская восторженность рассеялась, как дым на ветру, после встречи с настоящим театральным рецензентом. Это был не ругатель-дилетант, не очеркист с театральным уклоном, а самый подлинный профессионал, так сказать, рецензент-рецидивист.

Уже через минуту после начала спектакля мы услышали его голос, напоминающий скрип ножа о железную сковородку.

— Это не Лопе! — говорил он соседке. — Не де Вега! Нет, нет! Где виртуозная архитектоника? Где язык? А где реприза? — он неожиданно обернулся к нам. — Где?

Мы виновато развели руками, давая понять, что этой самой репризы не брали, а один из нас даже заглянул под стул, пытаясь выяснить, не там ли то, что ищет наш высокообразованный сосед. Но этот порыв не был огнен. Рецензент, наклонившись к сидевшему впереди гражданину, уже снова назойливо скрипел:

— Артистка недоает социальное содержание! Что? Походка? Ну да, походка легкая, но народная ли это походка? Так могли ходить еще у Мольера...

А через некоторое время, в самый веселый момент спектакля, мы опять явственно услышали:

— Нет, это не Шекспир! Форменный не Вильям! Трюкачество, смекачество, фарс! Водевильное построение сюжета снижает общественное звучание...

В дальнейшем мы узнали, что музыка местами вкраплена, но в целом не «отражает», отдельные актеры «выпадают», а режиссер, тот, наоборот, то и дело «впадает».

После этого мы почувствовали свое театральное критическое образование законченным и на другой день заявили в редакции о своем желании писать рецензии.

И вот мы оказались в Ленинградском театре комедии. Мы по-

давали благоговение и равнодушно перенесли открытие занавеса.

«Где виртуозная архитектоника, где язык?» — хором подумали мы, и тут же один из нас храбро отметил:

— Нет, это не Лопе!

— Форменный не де Вега, — хотел было уже присоединиться второй, но взгляд его упал на программу, где было ясно сказано: «Собака на сене» — комедия Лопе де Вега.

Итак, первая фраза, заимствованная у рецензента, явно не годилась. Мы навремя притихли и даже стали смотреть на сцену.

— А все-таки эта феодальная графиня недоает социальное содержание! — заметил, наконец, наиболее мужественный из нас.

— Вот, вот! — оживился второй. — Опять же этот сомнительный секретарь с гитарой! Наемная рабсила — и вдруг поет. Еще неизвестно, народная ли это песня!

— Безусловно, нет! — поддержал первый и записал: «Муз. комп. Энтелис. Вкрап. удач.»

В этот момент Тристан опять рассмешил весь зал. Пользуясь тем, что в общем шуме никто не услышит, один из нас тихо отметил:

— Трюкачество!

— Смекачество! — поддержал второй и в свою очередь записал: «Формен. не Шексп. Водев. трактов. сниж. обществ. звуч.»

Это было нашим последним усилием. Больше одного акта мы не выдержали. В дальнейшем вместе со всеми мы аплодировали актерам, уже не обращая внимания на то, кто куда «впадает» и кто откуда «выпадает».

Театр оказался хорошим и веселым. Спектакли («Собака на сене», «Двенадцатая ночь», «Школа злословия») поставлены и оформлены Акимовым с большим вкусом и хорошо сыграны актерами, в особенности Гошевой, Киселевым, Юнгер, Беньяминовым, Тениным и Ханзелем. Зритель отдыхает, смеется, он доволен.

И поэтому на первом же спектакле мы почувствовали острую зависть к зрителю. Мы решили отказаться от карьеры профессиональных рецензентов, чтобы хоть изредка смеяться и аплодировать в театре, а главное, чтобы не расценивать собственный смех как утробно-физиологическое явление и грубое топтание на месте.

МАЛИНИН и БУРЕНИН

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ

РЕЗВЫЙ ВКУС

Управляющий Тургинской районной конторой Заготлен (Калининская область) Фридман — человек с меняющимися вкусами. Сегодня ему по нраву одна подруга жизни, завтра — другая, послезавтра — третья. И т. д. И т. п. Познакомившись с Фридманом из письма своего рабкора, Крокодил не утерпел и сообщил о Фридмановских вкусах куда следует. Калининский обком ВКП(б) пишет нам, что Тургинский райком ВКП(б) объявил Фридману за бытовое разложение строгий выговор с предупреждением.

ВЫБРАКОВКА БРАКЕРОВЩИКОВ

В типографии Белгоснадата работали по принципу: «Гляп-ляп — и готово!» И вот наши читатели гг. Бельский и Моисеев купили в Витебске книжечку. На обложке стояло: «Конституция СССР». А в тексте были и отдельные статьи Конституции и какой-то другой материал: книжка была сброшюрована по вышеуказанному принципу.

Крокодил послал жалобу гг. Бельского и Моисеева в Отдел печати и издательства ЦК КП(б)В. Визитники брака наказаны. Мастера брошюровочного цеха Либс и Цирлина привлечены к административной ответственности, работники по бракерству Зельманович и Яромко сняты с этой работы. Принят ряд мер по улучшению работы в типографии вообще.

ДСКАЗАТЕЛЬСТВО ОТ ОБРАТНОГО

Прямая не всегда есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Эту рискованную мысль пыталась доказать администрация Киевского мясокомбината в Дарницях. Проходную будку там выстроили в таком месте, что рабочим приходилось делать крюк с гаком, — тогда попадешь на завод. Рабочее собрание указывало директору другое место для этой будки — на прямой между железнодорожной станцией и заводом. Директор не согласился. Тогда рабочие написали письмо в Крокодил. Киевский обком КП(б)У, куда

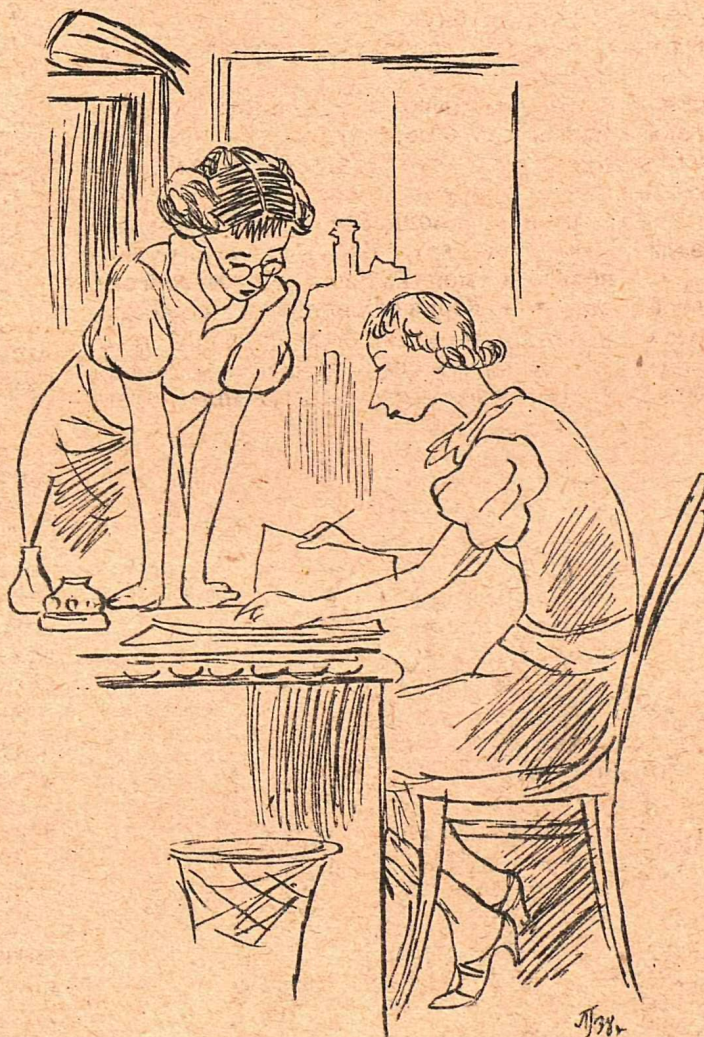

Рис. Л. Генча

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

- У вас плохой почерк. Вам надо поучиться каллиграфии.
- Что вы! Тогда же все заметят, что я слаба в орфографии.

было направлено редакцией это письмо, сообщает, что сейчас проходная будка перенесена к железнодорожной остановке. Геометрическая истина восторжествовала, только проделав путь из Киева в Москву и обратно.

ДЕЛА БОРОВИЧЕСКИЕ

В боровическом комбинате «Красный керамик» (Ленинградская область) орудовали вредители, разоблаченные органами НКВД.

В Крокодил было сообщено, что последствия вредительства в комбинате ликвидировались слабо. Главный инженер управления капитального строительства Поспехов сидел все время в кабинете, поднимая бумагу, не выходя в суть дела. В управлении капитального строительства сверх всяких штатов работал начальником (!) технического оборудования некий Вельдман. Жил этот Вельдман в Москве и в Боровичах никогда не бывал. По существу же, Вельдман был «толкачом». Четыре месяца «аплотворной» работы Вельдмана обошлись в 10 тысяч рублей, из них 7 тысяч ушли на командировки.

Сейчас главный инженер Поспехов по материалам Крокодила от работы отстранен. Снят с работы также и Вельдман.

ПРОРЫВ ЛИКВИДИРОВАН: МАРИН СНЯТ

Срок пуска кирпичного завода № 2 треста «Виэмснстрой» были под угрозой срыва. Необходимо было принять срочные меры. Вместо того чтоб подготовить завод к пуску, директор завода Марин в рабочее время напивался пьяным.

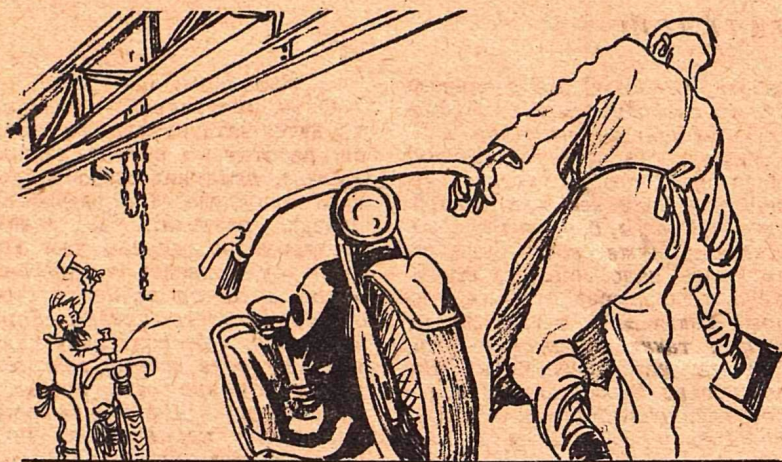
По материалам Крокодила Марин снят с работы.

СВОЯ РУКА — В ЛАДЫКА

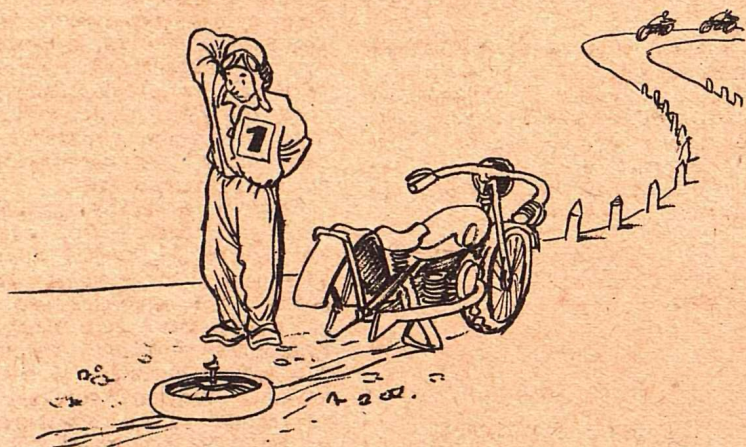
Заведующий балаклейским райвнутриком (Харьковская область) Шаповалов все свое руководство торговой сетью свел к тому, что обходил магазины и требовал отпустить себе товаров вне очереди. Когда же продавец одного магазина отказался продать ему две пары женских туфель, Шаповалов потребовал, чтобы продавца уволили.

Об этом Крокодил сообщил харьковским организациям. Шаповалов с работы снят.

Рис. И. Семенова

На заводе дает себя чувствовать гонка...

...Зато на гонках дает себя чувствовать завод.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

А ГОДЫ ПРОХОДЯТ...

По всей вероятности, штаты редакции Крокодила придется увеличить на одного человека.

Приносим наше извинение читателям. Обычно не в наших правилах сообщать читателям скучные и мелкие подробности редакционной жизни. И если на этот раз мы нарушили наш принцип, то только потому, что подобное увеличение числа сотрудников редакции, оно — как бы это сказать? — имеет некоторый интерес и для читателя.

Дело в том, что вот уже в течение года мы принуждены вести длительную переписку со многими инстанциями и должностными лицами по вопросу о пропаже чемодана у гражданина Конькова 6 июня 1937 года на станции Богандинской (Кагановичская железная дорога). Ну, украли у гражданина Конькова вещи. Но, к общему нашему несчастью, вещи были найдены на станции Вагай и отправлены — заметьте себе — уже на станцию Тюмень. В местное отделение НКВД. А отделение НКВД передало вещи в местную милицию. А местная милиция...

Ну, словом, что говорить. Не такие мы люди, чтобы мучить читателя нудным описанием всех тех мытарств, которые претерпели и гражданин Коньков и наш сотрудник, посевший над писанием писем и телеграмм прокурору железной дороги имени Кагановича, прокурору Ачинского района, Красноярского края, самому Конькову, в милицию и т. д.

Не сидел сложа руки и сам гражданин Коньков. Острая тоска по чемодану заставляла его проявлять кипучую деятельность.

И все это втуне. «Воз и ныне там», т. е. не воз, а чемодан.

Через год и три дня после печального происшествия с чемоданом на станции Богандинской мы получили от Конькова утешительную телеграмму:

«ЧЕМОДАН ВЕЩИ НЕ ПОЛУЧИЛ КОНЬКОВ»

Так что, как видите сами, не миновать нам в редакции нанимать специального сотрудника для дальнейшей переписки по делу о коньковском чемодане. Тут еще года на три работы.

Недавно в Нежине футболисты пединститута встретились на стадионе с командой города Чернигова, Первый тайм прошел скучно. Ну играли, ну обводили, ну били... Но били только по воротам.

Во втором тайме инициативные футболисты избрали иной стиль игры.

— Бей его меж лопаток! — воскликнул один из форвардов и, с досадой оттолкнув путающийся под ногами мяч, побежал выламывать кол из забора.

Призыв был подхвачен. Пьяные игроки продемонстрировали: метание камней друг в друга и в публику, бокс, борьбу джигу-джитсу и некоторые простейшие приемы, не вошедшие в эти комплексы, как то удары коленом в живот, удары «в ухо», «по лопатке» и многое другое.

Результаты игры следующие: у нежинцев покалечено 5 человек, у черниговцев — 3. Количество морально и физически пострадавших зрителей не учтено. Организаторы и участники этого побоища к ответственности не привлечены. Милиция бездействовала. Руководители спортивных организаций и общественные организации пединститута тоже.

Все тихо. До следующего календарного кровопролития.

ПРИРОДА И ДЕТИ

Председатель горсовета города Лодейное поле (Ленинградская область), наверно, не заходит в детские сады. Он, вероятно, стесняется: все-таки не те годы, борода и вообще солидность. А жалко, что не заходит.

Вот были бы у него интересные впечатления, появись он в детском саду № 2. Мы себе так представляем эту картину.

Идет это наш председатель по двору и строго смотрит по сторонам. Вдруг он останавливается, и глаза его загораются гневом.

— Это почему? — спрашивает он.

— Что?

— Вот это! Хвост! Почему дети дергают животное за хвост?

— Привыкли... Все время она тут... Ходит и ходит по двору... Маленькие еще пугаются, а старшие, те даже рады...

— То есть как — корова и вдруг с детьми! Что это вам морская свинка?.. Убрать!

— Слушаемся... Только куда?..

— Позвольте, а это что?

— Вот это?.. Это кухня...

— Какая может быть кухня, если тут сено и стойла...

— Да вы не сюда зашли... Вы в коровник попали. А кухня — вот как раз рядом...

— А почему коровник? Чей коровник? Кто позволил?

— Коровник гражданина Корихина. Дом его тут же, на нашей территории... А позволили, наверно, вы сами.

— То есть как это я? У меня коров в проектах нет.

— Горсовет же сам отдал нам занятый участок под детсад. Вот обещали снести и не сносят... Леноблоно говорит, вы должны дом снести, а горкоммунодел на них ссылается...

И тут нам представляется, что председатель горсовета сразу принимает меры и...

Впрочем, чего же это мы размечтались! Ведь председатель-то не ходит в детсад. И всего этого разговора не было. Может быть, даже председатель и не знает про коров или, наоборот, считает, что так и надо. Очень хорошо, дескать, пусть дети изучают живую природу. Кто его знает?

Только пока коровы гуляют по двору без всякого стеснения — это нам достоверно известно. О чем и сообщаем во всеуслышание. Для принятия мер.

САНКУРБЛАТ

Итак, нам нужна путевка в Кисловодск. Вы делаете очень просто: достаете радиоприемник СВДМ и посылаете его Николаю Яковлевичу Бержанеру, а Николай Яковлевич вам в один момент обеспечит лечение, питание и койку по твердой цене. Николай Яковлевич оплатит вам радиоприемник по фабричной себестоимости, и все будет шито-крыто. Так, по крайней мере, он обещал завкому радио завода № 3 Наркомсвязи.

По наведенным нами справкам, сей оборотистый блатмейстер работает в кисловодском коммунальном банке в ответственной должности инспектора оперативного отдела. Каким образом и через каких лиц он устраивает свои комбинации с путевками, для нас остается тайной, и в этом нет ничего удивительного. Удивительно то, что комбинации Бержанера остаются тайной для местных организаций и в первую очередь для курортного треста. А может быть, они известны этим организациям, и тогда все делается еще удивительней.

Почтовый ящик

Товарищам С. Романцеву (г. Баку), Гаценко П. (станция Верблюды, Ростовская область), Погорелой Н. и Сакуну Л. (село Партизанское, Днепрпетровская область), Шенелеву С. (Ярославль), Иголеву А. (Нефтегорск) и др. Вы спрашиваете, о чем следует писать в Крокодил.

Крокодил — журнал политической сатиры. Поэтому писать в него надо о фактах, событиях, поступках и действиях отдельных людей и организаций, так или иначе, по вашему мнению, мешающих нормальной жизни нашей страны и которые поэтому должны быть высмея-

ны, подвергнуты острой критике, беспощадно разоблачены.

Крокодил интересуют все темы, так или иначе отражающие нашу действительность: вопросы партийной, комсомольской, советской жизни, культурного и бытового обслуживания населения, производственной жизни, бытовых явлений и т. д. и т. п.

Все заслуживающие внимания Крокодила документы, направляемые в журнал для опубликования, должны быть заверены. В противном случае редакция не сможет использовать даже самый интересный материал.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Как утверждают евангелисты Матфей, Лука и К^о, более девятнадцати веков тому назад некто Иисус Иосифович Назаретский попытался отделаться от пяти тысяч голодных ртов тогдашних безработных пятью хлебами. Как свидетельствуют более поздние и более достоверные документы (например распорядка № 27 от 21 апреля 1938 года, трест Росснаббыт (Москва) попытался отделаться от театров и кино Таджикистана (счетом несколько десятков) двадцатью метрами пожарных выкидных рукавов-шлангов. Какое количество миллиграммов хлеба получил каждый из христовых гостей,—не знаем: апостолы об этом скромно умалчивают. Но, по оригинальной мысли новоявленных христосиков из Росснаббыта, каждое из зрелищных предприятий, объединяемых комитетом по делам искусств Таджикистана, должно получить от 1 до 10 сантиметров пожарного рукава.

Дорогой Крокодил, просим тебя передать Росснаббыту горячий привет и разъяснение, что эти евангельские шутки в наше время называются в лучшем случае бюрократическими отписками.

А. МЕЛКОМУКОВ,

инспектор отдела пожарной охраны НКВД Таджикской ССР, воентехник 2-го ранга

Сталинабад

Дорогой Крокодил!

Много на своем веку принимал ты жалоб на нехороших людей или даже животных, но вряд ли когда-нибудь жаловались тебе на утконоса.

Да, да, именно утконос, который называется еще и так—*ornithorhynchus anatinus* (*paradoxus*)—оказал ужасное влияние на мою жизнь. Дело в том, что я являюсь учителем неполной средней школы в городе Зырянске, Восточноказахстанской области. У нас происходит атестация учителей. И вот, в присутствии члена атестационной комиссии Суркова, меня спросил на уроке один из учеников: «Чем дышит утконос, когда находится в воде?» Я ответил, что в воде утконос как млекопитающее дышать не любит. И, не располагая жабрами, в воде и не дышит.

Член атестационной комиссии Сурков после урока сказал мне, что он придерживается обратного взгляда. По его мнению, утконос в воде дышит, но чем собственно дышит, это Суркову неизвестно. А потом, на заседании атестационной комиссии, Сурков опять вернулся к вопросу об утконосе, заявил, что я не знаю своего предмета, коль скоро по-моему утконос в воде

не дышит, и видимо на этом основании звание учителя мне не дал.

По законам, за собаку отвечает ее хозяин. Но скогого требовать мне за убытки и поношение? Утконос не является собственностью Суркова. К тому же любой утконос издох бы, доведись ему попасть Суркову в руки, так как Сурков велел бы ему дышать в воде, а этого утконос (*ornithorhynchus anatinus paradoxus*) не может.

Да и мне что-то не по себе с тех пор, как я попал в руки Суркова.

Учитель Н. ПОЛУБОЯРИНОВ
Зырянск

Дорогой Крокодил!

Прилагаемый рисунок — точное изображение памятника Алене

ксандру Сергеевичу Пушкину, поставленного в Московском саду «Эрмитаж».

Нетвердой походкой, сильно припадая на одну ногу, поэт, очевидно, возвращается с веселой пирушки.

Как сатира на литературные нравы прошлого это, возможно, неплохо, но посетители сада считают все-таки, что память поэта следовало бы увековечить более пристойным образом.

Н. РАДЛОВ

Милый Крокодил!

22 июня мне нужно было отвезти ребенка в Протезный институт. У Краснопресненской заставы я подошла к стоянке такси. Было 2 часа дня. На одной машине не оказалось шофера, она была заперта. На другой (ее номер—МД 23-79) шофер крепко спал. Я три раза окликнула его, но безрезультатно. Потом шофер нехотя открыл глаза, посмотрел на меня и начал браниться: «Какого чорта ты меня будишь? Мало тебе такси на стоянке? Ехала бы с другим! Я спать хочу!» «Но ведь вы на

работе, не домой же я пришла будить вас! Поедьте на Зубовскую площадь»,—ответила я.

Между тем меня и ребенка обступили шоферы других машин и начали всячески оскорблять: «Ишь ты, барыня тоже выискалась! Мужа своего буди, если ехать надо. Может, прикажешь тебе дверцу открыть, госпожа какая...» И дальше последовали такие выражения, что...

Дочка моя перепугалась. Видя, что из этого кольца шоферов трудно выбраться, я открыла дверцу машины и сказала шоферу, чтобы он ехал. На это последовал новый взрыв брани. Шофер не умолкал всю дорогу, возмущаясь, что я разбудила его...

Скажи, дорогой Крокодил: почему до сих пор возможны случаи, подобные описанному мною? Неужели руководство Московского таксомоторного треста считает их в порядке вещей? Если так, то не все в порядке в самом тресте.

С. ФИНКЕЛЬШТЕЙН

Москва.

Дорогой Крокодил!

Спешу внести одновременно вклад в науку библиотековедения и в сокровищницу футбольного спорта. Видишь ли, у нас на приiske 2-й Ороchon организовалась футбольная команда, и не так давно она ездил на состязания с футбольной командой 1-го Ороचना. А вернувшись оттуда, наша команда привезла с собой целую библиотеку. Я увидел эту библиотеку, когда наши футболисты начали раздеваться и каждый вытащил из-под гамаш по 3—4 книжки. Дело в том, что наш инструктор физкультуры Шапринский никак не соберется приобрести для футболистов специальные щитки для защиты их ног при игре. Так вот заведующий клубом 1-го Ороचना Фадеев, страстный болельщик футбола, пожалел бедные ноги футболистов и выдал им для обертки книги из клубной библиотеки. Так что за ноги футболистов сейчас беспокоиться почти что не приходится. Беспокоит только то, что через 3—4 поездки на 1-й Ороchon Фадеев раздаст всю библиотеку и тогда нечего будет складывать под гамаш.

В этом изобретении Фадеева и Шапринского есть еще одна положительная сторона: футбольные команды, разезжая по приискам, вполне свободно замянут собой библиотеку-передвижку. Сей факт с сияющим лицом вношу как ценный вклад в науку.

Н. ЕРМОЛАЕВ

Алдан,
2-й Ороchon

Уважаемый Крокодил!

Один колхозник, увидев, как трудится механик кинопередвижки, работая на ручной динамомашине, придумал способ облегчить это дело. Он разработал проект: приделать к динамо электромотор, динамо даст ток, этот ток приведет в движение мотор, а мотор начнет в свою очередь вертеть динамо. Короче говоря, этот колхозник надумал построить вечный двигатель и предложение свое послал в Главэнерго Наркомтяжпрома. Колхознику, не имеющему никакого специального образования, это, конечно, простительно, но ученые мужи из Главэнерго не узрели в этом предложении ничего предосудительного, и так как оно, видите ли, касается кино, то заместителю начальника технического отдела Главэнерго товарищ Дуб препроводил его нам, в Главное управление кинофикации, для «использования по принадлежности».

Если столь авторитетный орган, как Главэнерго, считает, что можно из ничего получать электроток, то не издаст ли товарищ Дуб одновременно приказ о том, что с сего числа прекращается действие закона о сохранении энергии? А если он не хочет отменить действие этого закона, то не собирается ли он хотя бы в дальнейшем внимательно прочитывать то, что подписывает?

Начальник технического отдела главного управления кинофикации

К. ГЛАДКОВ

Москва

Дорогой Крокодил!

Когда-то я читал рассказ про то, как зулик-официант в ресторане составлял счет: «Щи флотские—1 р. 25 к., папирсы «Казбек» не брали—2 р. 50 к. Итого—3 р. 75 к. А для ровного счета 5 руб.» Я тогда смеялся, но думал, что так бывает только в юмористических рассказах. Представь себе, недавно я на своей собственной шкуре убедился в обратном.

Прочитал я в газете «Тихоокеанская звезда» объявление Иркутского посылгосторга с огромным перечнем вещей, которые можно выписать со складов этого учреждения. Выбрал из этого списка патефон «ЛТЗ», перевел Посылгосторгу 401 рубль и начал ждать, когда это орудие музыкального наслаждения прибывает ко мне. Декаду жду, другую, месяц, два. Через два месяца я получил из Иркутского посылгосторга не патефон, а мои же денежки с вычетом стоимости обратного перевода. Так получилось, что руководители Иркутского посылгосторга взяли с меня что-то вроде денежного штрафа за то, что они же меня обманули.

Караул, дорогой Крокодил!
Младший комвзвода
М. КОРОТЫЧ

Владивосток

Редактор—МИХ. КОЛЬЦОВ. Редакция: Л. ЛАГИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 671

Сдача текста и рисунков 3/VI—38 г.

Подп. к печати 9/VI—38 г.

Статформат 72×103 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б—48805 Типография газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1796. Тираж 273 000 экз

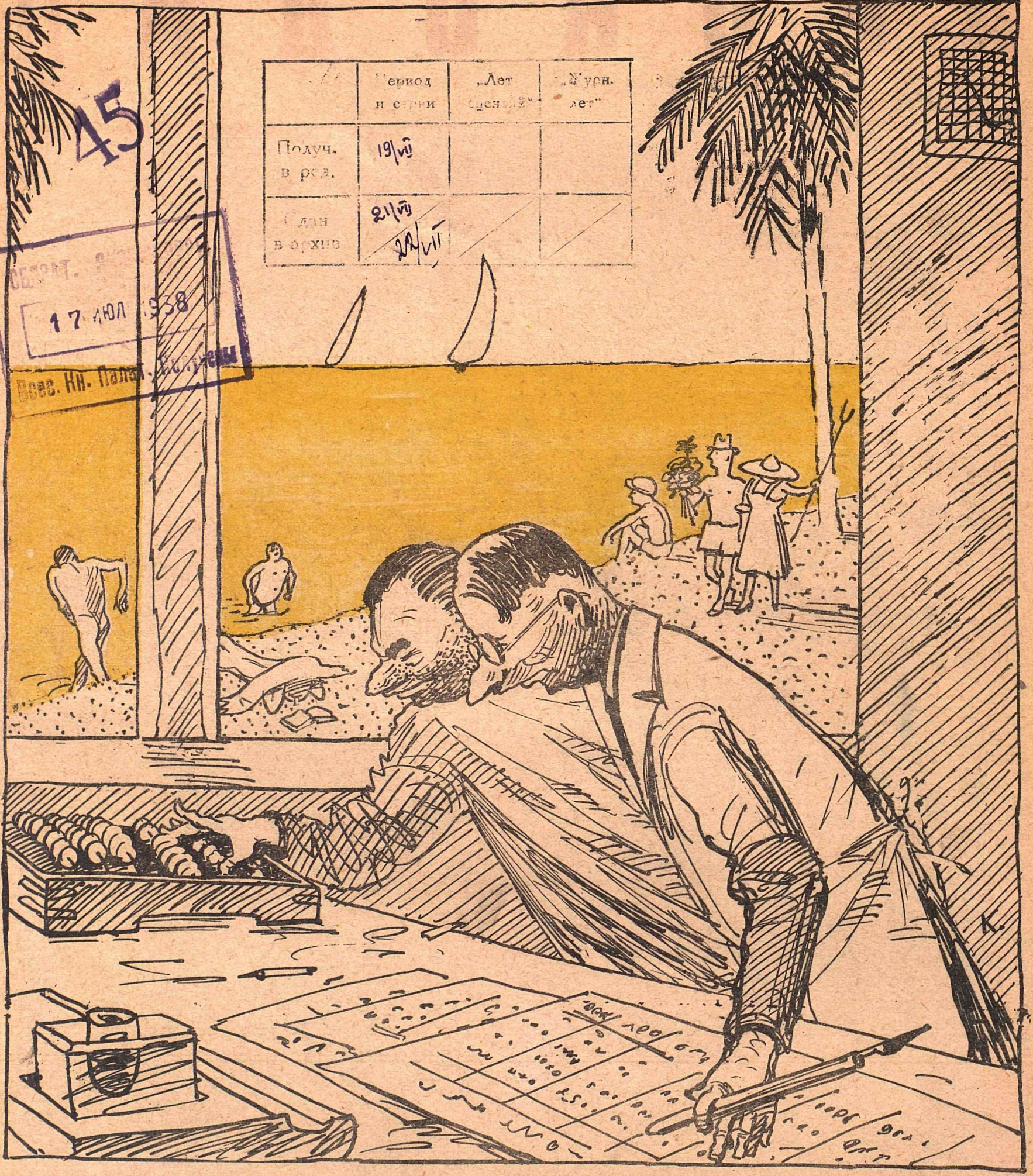

Рис. А. Каневского

НАШЕЛ ВЫХОД

— 75% стоимости путевки уходит на управленческие расходы. Куда же девать остаток?
 — Гм... Придется отдать этим... отдыхающим на пропитание и лечение.